

18+ Юрий Грустилкин

ЖИЗНЬ
КАК
АВАНТЮРА

Юрий Грустилкин

Жизнь как авантюра

«Издательские решения»

Грустилкин Ю.

Жизнь как авантюра / Ю. Грустилкин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Если вы не авантюрист, то вам никогда не вляпаться в такое безумное количество приключений, не встретить столько удивительных людей и никогда не проникнуться настоящей магией ТВ. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Жизнь как авантюра	6
ТАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ	7
Боярышник и ящик водки	9
Разбитое стекло	11
«Бегемот»	12
Милан	13
Понедельник, тринадцатое	15
Видите ли, *ля	16
Милан и его команда	17
Первая «самостоятельная» съемка	19
Шаболовка	20
Во как	22
Несчастный случай	24
Халтура	25
Песня-84	26
Слет «удался»	27
Крупный план Аллы Пугачевой	28
Пицунда	29
Рыбалка	31
«Камо»	32
Первый гонорар	33
Генерал	34
Институт культуры	35
АПБ	36
Очки	39
Балкон с вишней	40
Девять негритят	41
Первая «халтура»	42
Кран	43
«ТОСТ»	44
Первый опыт	44
Робертино и машина	45
Чернобыль	46
«Мисс СССР 89»	47
Из Алматы в Кировоград	48
Клубника	50
Следующая командировка	51
Еще одна	52
Начало конца	54
Купе	55
«ТОСТ загнивает»	56
Деньги, квартира, машина	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Жизнь как авантюра

Юрий Грустилкин

Редактор Хлориди Тор

Дизайнер обложки Александр Калинин

© Юрий Грустилкин, 2026

© Александр Калинин, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-3851-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жизнь как авантюра

Некоторые имена и названия программ изменены. Ассоциативные совпадения не являются достоверными.

ТАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Еще когда я учился в школе, папа подарил мне пленочный фотоаппарат. Затем им же была подарена любительская кинокамера.

Фотографировать, проявлять, а затем печатать фотографии было сродни волшебству. Заперевшись в темной ванной комнате, наблюдал, как в ванночке с проявителем на чистом листе белой фотобумаги проступало снятое мной изображение.

Ходил в фотокружки, где получил много нужных и полезных знаний. А уж когда подросток и стал снимать на кинокамеру, стало совсем интересно. Видимо, это и определило выбор профессии.

По окончании школы попытался поступить во ВГИК, но не получилось. Несколько месяцев перед армией проработал осветителем, что тоже было полезно для выбранной мною профессии.

Отслужив, вернулся в свой старый родной коллектив во дворец культуры «ЗИЛ», параллельно начал готовиться к поступлению во ВГИК.

Меня встретили с распростертыми объятиями. Часть коллектива, конечно, обновилась, но спаянный костяк остался прежним. Из новых людей выделялся немолодой красивый мужчина с проседью на висках, умными глазами, в неновом, но дорогом костюме. Этот внешне и внутренне интеллигентный человек почему-то работал бригадиром постановщиков сцены и много пил. Встретить его трезвым даже с утра было чем-то из области фантастики. Примерно каждый час он подходил к своему шкафчику в раздевалке и «прикладывался» к бутылке. Он был начитан, образован, и общаться с ним было приятно, но только до того момента, пока у него не начинал заплетаться язык.

Как-то раз, видимо, решив завязать с пьянством, Анатолий Васильевич (так его звали) «зашился». То есть вшил себе так называемую «торпеду» от пьянства. Все у него пошло хорошо, но, по иронии судьбы, он перепутал коньяк с чаем и выпил его.

«Зашитому» человеку пить нельзя, это может плохо кончиться. Вот и Василич стал «луноходом», так мы его с тех пор называли. Такое прозвище он получил, потому что стал двигаться и говорить очень медленно и плавно, с большой задержкой и подвисанием, как космонавты на Луне. Бывало, задашь ему какой-нибудь вопрос и уже забудешь про это, как вдруг он неожиданно начинает отвечать надтреснутым голосом, медленно растягивая слова. Непривычные люди от неожиданности вздрагивали. Из бригадиров его перевели в простые постановщики сцены, да, в общем, и там пользы от него было мало.

Коллектив был дружный, спаянный, даже споянный! Разные люди работали в нем: бывшие актеры, танцоры, музыканты и даже певцы. Все они любили выпить.

На гастроли в наш ДК приезжали известные театральные труппы. Актеры из этих театров заходили во время перерыва пропустить по стопочке с нами. В общем, в нашей комнате дверь, что называется, никогда не закрывалась. Все это постоянное пиршество, конечно, не могло обойтись без всевозможных историй.

Однажды я сидел в регуляторной и пил... ЧАЙ! Был поздний вечер, спектакль закончился, все расходились по домам. Неожиданно распахнулась дверь и вбежал запыхавшийся Саша. Он был музыкантом, а если точнее — неплохим трубачом, но из-за пристрастия к выпивке работал постановщиком сцены. Похожий на маленького, вечно улыбающегося, с розовыми щечками поросенка-мини-пига, он вечно суетился и чего-то искал. Впрочем, искал он все время одно и то же — где бы выпить?

— Где спрятаться? — вопрошал он, пробегая в щитовую комнату, где было высокое напряжение.

Не успев ничего ответить, краем глаза заметил, как Саша открыл железную дверь и нырнул туда.

Две мысли посетили меня: как он смог туда поместиться и... Но вторую додумать я не успел. В дверь ввалились запыхавшиеся пожарные с криком: «Где он?».

Вместе с ответом додумалась и вторая мысль:

— Нет его.

Я почти не врал, потому что там, где находился сейчас Саша, от него должен был остаться только пепел!

Когда пожарные ушли, наш «музыкант» невозмутимо вылез и, поинтересовавшись, нет ли у меня выпить, и получив отрицательный ответ, ушел.

Я так и остался сидеть с открытым ртом, еще раз убеждаясь, что дуракам и пьяницам везет.

Боярышник и ящик водки

Так весело и беззаботно прошло несколько месяцев.

Я понемногу приходил в себя после армии. Наступил декабрь. Рядом с дворцом культуры, буквально за забором, находился стадион «Торпедо». Морозным безветренным вечером, закончив работу, наша компания решила прогуляться туда. Настроение у всех было хорошее, мы шли без всякой цели и просто болтали. Вдруг наше внимание привлек необычный хоккейный матч. Казалось бы, все было как всегда — площадка, ворота, игроки. Только у судьи вместо свистка было два флажка. Решили остановиться и посмотреть, в чем дело?

Василич и уже известный Сашка-трубач тут же достали по фунфырику «боярашника». Видимо, деньги у них кончились, до полочки было еще далеко, а выпить хотелось. И в такой ситуации это было — палочкой-выручалочкой.

Настойка боярышника, уж не знаю для каких целей, продавалась в аптеках без рецепта, настояща была на спирту, имела не противный запах и стоила, по-моему, около двадцати копеек, что делало ее вполне бюджетной выпивкой. Очереди из бомжей и алкашей за ней стояли во всех аптеках.

Обрадовавшись, что я отказался от этого пойла, эти два «джентельмена» употребили по фунфырику, приободрились и стали смотреть на судью, который время от времени размахивал флажками, явно пытаясь этим чего-то добиться от хоккеистов. Те же, не видя его жестов, продолжали с азартом гонять шайбу и, только забив гол, обратили внимание на судью. Фишка, оказывается, была в том, что играли глухонемые, поэтому в руках у судьи и были флажки, а не свисток!

Пошли дальше. Завязалась философская беседа, видимо, «боярышник» подействовал. Вдруг заговорил «Луноход». На морозе его голос звучал как заезженная пластинка, которая проигрывалась тупой иглой:

— Я знаю твою мечту, ты хочешь стать оператором, — проговорил надтреснутый голос.

Ощущение было такое, что со мной разговаривает робот из фантастического фильма. Я промолчал, зачем марать мечту...

Пошли дальше. Но было любопытно, зачем он это сказал? «Скорее всего, пьяный треп», — подумал я.

Присели на лавочку покурить. В нашей компании было еще два неординарных человека. Видимо, творческие люди, каковыми мы себя считали, и в жизни были творцами. Одного из них звали Сергеем, всегда веселый или навеселе, что различить у него было практически невозможно. Упитанный, розовощекий, в круглых очках, за которыми прятались насмешливые озорные глазки, над которыми кустились ярко-рыжие брови. Ну вылитый клоун в цирке, если одеть, конечно, соответственно. Придя на работу с перевязанными пальцами, поведал нам душераздирающую историю. Он по собственному определению был ранен на поле боя. Оказывается, жена взяла в моду лазить по его карманам, и он решил ее проучить. Друзья научили, как это сделать, и воодушевленный Сережа, разбив лампочку, напихал осколки от нее себе по карманам. Идея состояла в том, что когда жена в очередной раз полезет в них, то порежет пальцы, и это навсегда отобьет у нее охоту так делать. Но именно в этот день та никуда не полезла, а Сережа, собираясь утром на работу, в спешке о битом стекле забыл и по привычке засунул руки в карманы! Короче, пришлось мне доставать ему сигарету из пачки.

Второго звали Геша, он только недавно вернулся из армии, где три года служил на корабле гидроакустиком. Это был большой веселый русский парень, любитель пошутить.

— А что делает гидроакустик? — спросил Сергей, выпуская колечко дыма.

— Это глаза и уши корабля! — пафосно ответил бывший моряк.

Я решил вступить в разговор и резюмировал:

— «Стукач», что ли?

Все дружно рассмеялись. Геша, не ожидая такого поворота событий, выпучил глаза, набычился, покраснел и начал подробно объяснять, чем занимается гидроакустик на корабле.

Вдруг, что называется, не прошло и года и, как всегда, неожиданно и не к месту, раздался надтреснутый голос «Лунохода»:

— Я могу устроить тебя на телевидение оператором.

Он продолжал, казалось бы, уже давно законченный разговор. Василича, видимо, задело то, что проигнорировали его слова.

От неожиданности я, чуть не поперхнувшись дымом от сигареты, ответил ему, чтобы завязывал шутить.

— Ящик «Пшеничной» и ты ассистент оператора в «Останкино», — проскрипел он.

Времена были такие, что самой расхожей «валютой» оказывалась водка. Небольшие вопросы решались одной бутылкой или двумя. Вопросы же серьезные кратно увеличивали это число. И данный вопрос был как раз из серьезных. Дело принимало неожиданный оборот. Двадцать бутылок водки в тогда стоили чуть больше восьмидесяти рублей, что равнялось моему месячному заработку.

Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что это очередная авантюра. Любой из присутствовавших при этом разговоре сказал бы, что это обычный пьяный бред. Ни один здравомыслящий человек на это бы не пошел! Но интуиция подсказывала, что надо рискнуть.

Пауза затягивалась, все молча смотрели на меня. Надо было принимать решение. Посмотрел на Василича, но тот как будто опять впал в анабиоз и безучастно курил.

Потушив сигарету, я молча развернулся и пошел в сторону магазина.

Разбитое стекло

Ящик водки стоял в моем шкафу на работе уже несколько дней, а «Луноход» как будто забыл о нашем разговоре. Бесило то, что из-за своего сумасбродного поступка мне придется до аванса жить впроголодь, ездить на автобусе «зайцем», к тому же скоро праздник, а подарки не на что покупать.

Наступила новогодняя ночь, которую мы с друзьями встретили на катке в парке Горького. Было шумно, весело, играла музыка, люди веселились, бросали серпантин, хлопали хлопушками.

Продолжили отмечать у меня дома: родители ушли в гости, и квартира была в полном нашем распоряжении. Под утро, когда веселье было в самом разгаре, случайно разбили окно. Каким образом это произошло, сейчас уже не вспомню. Хорошо еще, что деревянная оконная рама была сделана с двойным остеклением, поэтому ветер и снег к нам с улицы не задували, но с этим разбитым стеклом все равно надо было что-то делать, пока родители не вернулись. Всем было понятно, что купить стекло в новогоднюю ночь негде, да и в праздничные выходные тоже, а родители скоро вернуться.

В нашей веселой компании был парень по кличке «Дискобол», он действительно занимался в спортивной секции по метанию дисков. Мускулистый, с огромными ручищами, всегда себе на уме, за что многие его недолюбливали. Когда я уходил в армию, Геша (а его звали Гешей) ходил в институт с дипломатом. Он каждый день проходил мимо стройки и на обратном пути клал себе в дипломат по несколько кирпичей. А когда я пришел из армии он показал мне гараж построенный из них. Но и это еще не все! Когда он его открыл, там стоял «Запорожец», а по стенам были сделаны насесты, на которых сидели куры. В этом был весь Геша — он просто не умел жить по-другому.

— Так, — сказал он. — Сейчас решим проблему с окном. Пошли.

В четыре утра мы вышли на улицу. Было безлюдно и темно. Снег прошел, стояла оглушительная тишина. На заиндеветых деревьях от уличных фонарей поблескивали снежинки. У Гешы в руке блеснуло лезвие ножа. Я не мог понять, что он собирается делать. Логик, на мой взгляд, в его действиях не было никакой. Оглядевшись по сторонам и удостоверившись, что никого нет, он крадущейся походкой подошел к темному окну первого этажа и заглянул в него. Потом ножом вынул рейки, которыми крепилось стекло, вынул его и отдал мне. Я представил удивление проснувшихся утром людей, не обнаруживших стекла в своем окне, и еле сдержал смех. А Геша, как заправский жулик, поднял валяющуюся ветку и, заметая следы, деловито направился к нашему подъезду. На следующий день ближе к вечеру приехали родители, и мама спросила у меня, чем мы испачкали стекло? Оно, и правда, было в каких-то мутных разводах. Да надо было его протереть! А впрочем, все обошлось, только мой умный папа с хитрым прищуром посмотрел на меня. Он, скорее всего, все понял, но сына не выдал.

«Бегемот»

Праздники, как всегда, закончились быстро, но мы успели покататься на лыжах, сходить в кино, посидеть в нашем любимом баре «конюшня». Его так называли, потому что между столиками были деревянные перегородки, и это было похоже на стойла для лошадей.

В баре я встретил своего одноклассника Гришу по кличке «Бегемот». Он был богатырского телосложения, достаточно добродушный, но туповатый парень, что никак не вязалось с его тонким девичьим голосом. Еще когда мы учились в школе, я любил поприкалываться над ним.

Однажды меня вызвали к доске рассказать стих. «Бегемот» в это время пытался спрятаться чуть ли не под партой, но, услышав, что вызвали не его, облегченно, шумно вздохнул.

Читая стих и увидев радостное лицо Григория, я не удержался и, показывая на него рукой, продекламировал:

— «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах».

«Бегемот» покраснел, а класс вместе с учительницей покатился со смеху. На перемене Гриша стоял и что-то обсуждал с маленьким, худым, тщедушным отличником Аркашей Королевым. Эта пара выглядела настолько комично, что, проходя мимо, я не удержался и, потерев Аркашу за худую щеку, произнес: «Разве это фриц?». «Бегемот» открыл было рот от удивления, но, тут же взяв уже его за брыли и потрясая ими, я утвердительно продекламировал: «Вот это фриц!». И сразу же получил от него удар в плечо. Силы он был недюжинной, поэтому плечо отнялось, хотя бил он без злобы. Короче, довыпендривался.

Гриша хотел работать таксистом, но в те времена для этого нужно было сдавать историю города и знать карту Москвы. Тугодум не смог это осилить. Помню, в школе его вызвали к доске рассказать биографию Пушкина. Гриша долго молча стоял, видимо, собираясь с мыслями, а потом выдал: «Александр Сергеевич Пушкин родился в одна тысяча семьсот девяносто девятом году...» — далее последовала глубокомысленная мхатовская пауза, и он с чувством выполненного долга подытожил. — «И закончил свою жизнь тем, что умер».

Поэтому, не попав в таксисты, «Бегемот» устроился работать вышибалой в «конюшне». Работал он на совесть, но только его голос так и остался писклявым. Сидя за столиком, было слышно, как этот великан, выпроваживая разбушевавшегося пьяного посетителя, кричит на него фальцетом: «Сейчас как е*ну кружкой по голове!»

Смеясь, мы вышли из бара: завтра начинались рабочие будни.

Милан

И вдруг, в первый же рабочий день после новогодних праздничных выходных, придя на работу, нос к носу столкнулся с улыбающимся Василичем, который, скроив загадочную физиономию, прокрипел:

— В воскресенье бери ящик и приезжай по такому-то адресу к восьми вечера. Встретимся у подъезда.

Время после его слов как будто остановилось. Дни тянулись нестерпимо медленно, меня мучили сомнения, я изнывал от неопределенности.

В воскресенье приехал на полчаса раньше назначенного времени и от нетерпения топтался на месте, гремя бутылками. Разные мысли лезли в голову: «Луноход» мог к вечеру напиться, заснуть и не прийти, например. Хотя двадцать бутылок водки он вряд ли бы пропустил! Следующая мысль не успела сформироваться, так как из-за угла неторопливо выплыл Василич. Первым делом удостоверился в наличии спиртного, а уж потом, глубоко вздохнув, словно ему навязывали выпивку, проследовал в подъезд. Почему он так вздохнул, я понял под утро, но все по порядку.

Дверь нам открыла приятная, интеллигентная, улыбающаяся женщина. По всему было видно, что, несмотря на возраст, приближающийся к пятидесяти годам, она следила за собой и была в хорошей форме. С Василичем они явно были знакомы давно, меня же окинула испытующим взглядом и пригласила пройти в комнату. Там нас приветствовал высокий, красивый, породистый мужчина, похожий на голливудского актера: лохотный, подтянутый, несмотря на возраст, с открытой улыбкой. Звали его Милан Василич. Он был приятен в общении и как-то сразу располагал к себе. Работал он в «Останкино» оператором. Напряжение, в котором я пребывал, сразу прошло. Появилось ощущение, что я знаю этого человека давно.

Сели за накрытый стол, завязалась непринужденная беседа. Я честно все ему рассказал: что еще со школы мечтал стать оператором, как папа подарил мне фотоаппарат, а потом и любительскую кинокамеру, что ходил в фотокружок, поступал во ВГИК. Кстати, в разговоре выяснилось, что Анатолий Васильевич (он же «луноход») раньше тоже работал на телевидении в творческом объединении «Экран», да к тому же директором картины! Потом то ли кто-то подставил, то ли он сам проворовался, короче, его посадили на два года. Конечно, после отсидки дороги назад в идеологический центр, как тогда позиционировали «Останкино», не было, но друзья и связи остались. Получалось, что моя авантурная выходка сработала!

Милан Василич, посоветовавшись с женой и, видимо, получив с ее стороны одобрение, сказал мне, что утром я должен прийти в отдел телеоператоров со своими фотоработами, наклеенными на паспарту. Тут меня как жаром обдало. Где же я возьму фотоработы большого размера, да еще и на паспарту, в три часа ночи?! Попеняв «луноходу», что он меня не предупредил, Милан позвал жену и попросил принести его чемодан с фотографиями. Так как мы были уже изрядно выпивши, то он, не глядя, вынул пачку своих фоторабот и отдал мне со словами: «Покажешь вот эти. Все равно потом мне тебя учить».

В четыре утра мы покинули гостеприимный, хлебосольный дом. «Лунохода» пришлось сопровождать домой, так как передвигаться самостоятельно он не мог. Пока ехали в такси, Василич рассказал мне, почему Милан советовался с женой. Говорил он медленно, но разборчиво, иногда засыпая и всхрапывая, но, на удивление, не теряя нить повествования. У Милана было два сына, которые хотели пойти по стопам отца, но им отказали, объяснив это тем, что династии на телевидении недопустимы. Кто и когда придумал эту глупость — никто не знал, а мечту людям изгадили. Когда же Василич рассказал им про парня, мечтающего стать оператором, то на семейном совете было решено помочь. Если уж не сыновьям, то хотя бы ему. Конечно, если парень окажется адекватным. Поэтому, пообщавшись со мной, они и советовались.

Забегая вперед, могу рассказать, что Андрей и Митя не пропали. Андрей все-таки стал, правда не оператором, а режиссером, а младший Митя создает компьютерные игры.

Понедельник, тринадцатое

Утром, невыспавшийся, опухший, с красными глазами и пачкой фотографий подмышкой, я предстал пред светлы очи начальника отдела телеоператоров. Пожилой человек с ясным взором, красиво уложенными волнистыми волосами на голове и модным шелковым шейным шарфом, элегантно повязанным вокруг шеи, внимательно посмотрел на меня, пронзая своим хищным взглядом, и попросил показать фотоработы. Я про себя охарактеризовал его как «денди» или щеголь.

Выкладывая на стол по одной фотографии, которые так же, как и он, увидел впервые, делал умное лицо, стараясь «не спалиться». Все шло хорошо до того момента, пока после светового портрета и композиционно правильно выверенного натюрморта я не выложил на стол фотографию, на которой люди играли в водное поло. Казалось бы, обычное дело — репортажный снимок. Только вот ворота стояли прямо в Москве-реке, и на игроках были шапочки с номерами. И как потом, ухахатываясь, объяснил Милан, это был чемпионат Москвы тысяча девятьсот пятьдесят шестого года! Я тогда еще даже не родился!

Наступила неловкая пауза. «Пропал!» — подумалось мне. Из оцепенения меня вывел вопрос Александра Григорьевича (именно так звали начальника отдела).

— Это фотомонтаж? — спросил он, лукаво прищурившись.

— Да, — покраснев, ответил я заикающимся голосом.

Без сомнения, мудрый мужик все понимал. Но то ли Милан утром его предупредил, то ли он решил все-таки дать мне шанс, но я был принят на работу ассистентом телеоператора третьей категории до конкурса.

Мечта сбывалась, моей радости небыло предела. Но надо было еще проявить себя и пройти конкурс. Все только начиналось!

Видите ли, *ля

Я бы не сказал, что первый рабочий день в отделе телеоператоров соответствовал моим ожиданиям от идеологического центра. Судите сами.

Войдя в отдел, я увидел импозантного пучеглазого мужчину средних лет, в шерстяной тройке и дорогом галстуке, со светлой бородой, волнистыми волосами и в очках с большими диоптриями. Он дежурил по отделу, то есть страховал операторов, если те опаздывали или заболевали. Звали его Николай Андреич. Ему поручили ознакомить меня с внутренним порядком и правилами отдела.

Говорил он изысканно, витиевато, но в то же время разбавлял свою речь ненормативной лексикой. Выглядело это приблизительно так: обращаясь ко мне, он говорил: «Видите ли, Юрий, *ля». И так через каждое предложение.

Николай Андреич был беззлобным, постоянно шутил, в общем, обижаться на него не было смысла. Все его звали, любя, Колюней. Бывший цирковой клоун, получивший травму, переквалифицировался в операторы.

В отделе было много интересных людей разных национальностей: от калмыка и киргиза до испанца и негра. У каждого из них была своя интересная история, но об этом чуть позже. Вообще, отдел телеоператоров был в то время элитой телевидения.

В общих чертах обрисовав мои права и обязанности и проведя небольшую экскурсию по телецентру, Колюня предложил пойти перекурить.

Звучало это приблизительно так:

— А не пойти ли нам, не выкурить ли по палочке здоровья, *ля?

— Отнюдь, — в тон ему отозвался я, и мы двинулись по коридору телецентра к лестнице, где можно было курить.

Курили и мирно беседовали, как вдруг сначала послышался топот бегущего человека, потом из-за двери вылетела струя блевотины (видимо, не донес), и только потом мы увидели взрослого мужчину, явно с жесточайшего похмелья.

Немного смутившись от неожиданности, он все-таки поздоровался с Колюней, а затем, строго посмотрев на меня, выдавил:

— Ты ничего не видел, пацан!

Я благоразумно промолчал, тем более что одна неприятность уже случилась. Когда утром шел на работу и показал пропуск на проходной, меня остановили и задали, на мой взгляд, глупый вопрос: «Почему на фотографии в пропуске вы с усами, а идете на работу без усов?» Чуть не рассмеявшись от показавшегося мне маразматическим вопроса, ответил что-то типа: «Потому, что сегодня утром я брился». Это было не хамство, просто пытался ответить шуткой на глупость. Но после этих слов у меня отобрали пропуск и передали его в отдел режима. Начальнику нашего отдела пришлось идти разяснять ситуацию, а я понял, что на режимном объекте, коим и являлся телецентр, дерзкие шутки не проходят.

В общем, день выдался неоднозначный: с одной стороны, блюет и ругается матом телевизионная богема, с другой — за шутку с усами отбирают пропуск. Короче, было о чем поразмыслить.

Милан и его команда

В нашем отделе было более двухсот человек, которые делились на творческие группы по четверо. В каждой группе был оператор-постановщик, который принимал участие в обсуждении декораций, сценария будущего проекта совместно с режиссером, художником и редактором, ставил свет, расставлял камеры и руководил операторами во время съемки программ.

В нашей команде это был Милан Василич, который взял меня под свое крыло, обучал операторскому мастерству и пестовал. Второй, оператор первой категории Борис (среднего роста и возраста, подтянутый, с хищным взглядом и пепельного цвета волосами, почему-то ассоциировался у меня с волком), был замом Милана, помогал ему во всем и являлся очень творческим человеком, у которого было чему поучиться. Поскольку Милан был очень востребован и иногда снимал по два проекта в один день, то второй он смело отдавал на откуп Борису.

Третьим оператором, имеющим вторую категорию, у нас был Толя — большой мешковатый человек, с гнилыми зубами и маленькой головой. Про себя я его прозвал птеродактилем. У меня возникло к нему двоякое чувство: с одной стороны, вроде бы неплохой мужик, но пафосный, неуверенный в себе и с гнильцой.

Ну а четвертым был ваш покорный слуга — без операторской категории, без опыта, знаний и умения.

Категории утверждал худсовет отдела, состоящий из маститых операторов. Чем выше была у оператора категория, тем интереснее были работы и, разумеется, выше зарплата, поэтому все стремились подать свои работы на худсовет.

Первая съемка, в которой я принял непосредственное участие, была программа редакции народного творчества, и называлась она «Шире круг». Программа была музыкальной, типа сегодняшнего «Голоса». В ней пели, плясали и играли на всевозможных инструментах дарования со всего Советского Союза.

Снимали вдвоем с Борисом, так как Милан и Толя были задействованы на передаче о кино (называлась она «Кинопанорама», вел ее известный кинорежиссер Эльдар Рязанов).

Студия «Шире круга» была полна зрителей, когда по громкой связи раздался недовольный голос режиссера Гены, человека, которого побаивались операторы. Кличка у него была Крокодил. Если его что-то не устраивало, он орал так сильно, что к концу съемки сажал голос и переходил на хриплый шепот. Гена по национальности был татарин — круглолицый, коренастый, очень импульсивный, заводился, что называется, с пол-оборота. Вот и в этот раз он в резкой, грубой форме высказывал свои претензии Борису, да еще так, что слышали все зрители, находящиеся в студии.

Боря подошел к камере, надел наушники, включил микрофон и через операторскую связь с режиссером ответил:

— Если ты хочешь мне что-то сказать, говори в наушники. Не надо, чтоб все зрители слышали.

Гена же, видимо, в запале, продолжил орать на всю студию.

Тогда Боря подошел к включенному микрофону и сказал:

— Слышишь ты, Крокодил, спускайся в студию, я тебя грузкой о**ячу.

(Грузкой называли двадцатикилограммовую металлическую чушку с ручкой, которой прижимали декорацию, чтобы та не упала.) Входя в павильон, режиссер продолжал ругаться, и тут, на глазах удивленной публики, Боря поднял грузку и пошел на Гену. Тот от неожиданности сначала замер, а потом, поняв, что Боря не шутит, под дружный смех зала выбежал из студии. Боря, как разъяренный бык на корриде, последовал за ним.

Первая студия «Останкино» находилась прямо напротив помещения нашего отдела телеоператоров. Поэтому, не увидев Крокодила в коридоре, разъяренный оператор вбежал в отдел.

Там дежурил Том Паттерсон, обрусевший негр или, как сейчас принято говорить, афроамериканец. Если помните кинофильм «Цирк», так вот, на руках у актрисы Любови Орловой был маленький негртенок — это Джеймс Паттерсон, который впоследствии стал писателем, а Том — его родной брат и оператор нашего отдела.

— Еще и ты здесь, обезьяна, — рявкнул разъяренный Борис, держа в руке грузку, ничего не понимающему Тому и вышел.

Том так и остался сидеть с открытым ртом, пытаясь понять, что это такое сейчас было.

Выпустив пар, Боря вернулся в студию и продолжил работать. Крокодил смирился с людным унижением и вел себя смирно. Сняв «Кинопанораму», Милан с Толей зашли к нам посмотреть, как идут дела. Шеф не очень удивился, узнав о произошедшем. Он неплохо знал характеры и того, и другого. Конечно, устроил для порядка нагоняй Борису, заведя его в отдел, где мирно играли в бильярд ждущие начала своей съемки операторы.

Вдруг я услышал, как Толя шепчет Милану, чтобы тот сделал его замом, а Борю в наказание отправил на его должность. Такая подлость, на мой взгляд, не должна была остаться безнаказанной. Отголоски армейской жизни тут же дали о себе знать (умение решать спорные моменты политесом и хитростью пришло позже). Сейчас же терпеть несправедливость я не стал и набросился на птеродактиля с кулаками. Игравшие в бильярд операторы оттащили меня, объяснив, что бить морду ему можно, но только за пределами телецентра, если, конечно, я не хочу быть уволенным. Быть уволенным из-за какого-то говнюка я не хотел, поэтому решил набить морду ему на улице.

Телецентр имеет несколько выходов и переход между зданиями под землей. Во втором здании тоже два выхода. Поэтому Толе удалось ускользнуть. Может быть, это было и к лучшему — как для него, так и для меня.

Первая «самостоятельная» съемка

Как-то раз в мой выходной (а выходные давали всем в разные дни, в зависимости от загрузки) раздался телефонный звонок. Звонил один из мэтров среди операторов. Он был сильно выпивши, и поэтому я не сразу понял, что он от меня хочет. А хотел он, чтобы я вместо него поехал на съемку. Снимать предстояло известного спортивного комментатора Маслаченко, который должен был сказать в камеру свой текст, и затем нужно было наехать на табло стоящее далеко за ним. Снимать на камеру ТЖК (телевизионный журналистский комплект) в то время доверяли только избранным. Таких камер было очень мало, и их абы кому, типа меня, не доверяли. Поэтому работать на этой камере я не умел. Объяснив это, попробовал отказаться, но не тут-то было. Мой собеседник заплетаясь языком, но безапелляционно заявил, что за меня все сделает инженер ТЖК: и баланс возьмет, и пропишет ГЦП, а мне надо нажать только красную кнопку, которую он же мне и покажет, и снимать обязательно со штатива, а не с плеча. «Ничего себе! Только нажать... А фокус? А наезд на табло?» — подумал я. Но деваться было некуда, пришлось ехать.

Инженер и в самом деле все сделал за меня, даже камеру на штатив поставил. Подошел Маслаченко. Выставили план. Нажал красную кнопку, началась запись. Я стоял, напряженно вцепившись в камеру. Фокус вроде был, но еще предстояло наехать на табло. «Хорошо, что сейчас солнечная ясная погода, — думал я. — Потому что чем светлее, тем меньше шансов потерять фокус, укрупняясь на табло». Но это в теории, которую я с грехом пополам уже знал. А вот как получится на практике? Это большой вопрос.

Правда, все получилось с первого дубля. И только когда остановил мотор, с удивлением увидел, что семикилограммовая камера вместе со штативом оторвана мною от земли. То есть когда укрупнялся, панорамируя на табло, от напряжения сделал это на весу, подняв камеру вместе со штативом. Правду говорят, что человеческие возможности в критическую минуту воистину велики!

Шаболовка

Нас, четверых ассистентов-новобранцев отправили на обучение в ВИПК (Всесоюзный институт повышения квалификации), который находился в здании старого телецентра на Шаболовке.

Преподаватели были из разных вузов, имеющих отношение к нашей профессии. Можно рассказать про них много интересного: люди были неординарные, талантливые, которые многому нас научили. Один из них, назовем его Иннокентий, преподававший цветометрию, был большим шутником и перед началом своей лекции рассказывал нам забавные притчи, в которые можно было верить, а можно и нет. Парочку я попробую повторить.

— Что такое симпозиум? — вопрошал Иннокентий с хитрой улыбкой на веселом веснушчатом лице никогда не унывающего человека.

Выслушав наши рассуждения, он всегда предлагал свою версию. Она звучала так: в Древнем Риме симпозиумы отличались от греческих тем, что они были больше похожи на пиршества, где патриции возлежали вокруг накрытого стола, окруженные наложницами, и, произнося тосты, выпивали. Один из тостующих, по версии Иннокентия, ставил наложницу в определенную позу для совокупления и, поднимая бокал, провозглашал: «Сия поза». Остальные повторяли то же самое со своими наложницами, и начиналась оргия.

Вторая притча, которую я запомнил, была такая. «Знаете ли вы, что такое стимул? — звучал вопрос. — Так слушайте». В том же Риме искали инструмент для наказания рабов, которых не считали за людей. Палки о них ломались, бамбуковые стволы расщеплялись. И тогда придумали высушивать бычий член, из которого при соответствующей обработке получалось что-то вроде нынешней полицейской дубинки.

— Теперь, идя «налево», вы смело, нисколько не обманывая жену, можете говорить ей, что идете со стимулом на симпозиум, — завершал он и переходил к лекции.

Другой преподаватель, Николай Иванович, обучал нас азам световых схем. Он был замом начальника нашего отдела и, что любопытно, поступил во ВГИК в сорок пять лет и, успешно закончив его, стал, помимо работы, преподавать.

Однажды он дал нам задание выставить несколько вариантов света на гипсовой голове Каракаллы, снять это на фотоаппарат, напечатать фотографии и сдать ему для получения зачета фото вместе с негативами. Рядом с Шаболовкой был парк культуры и отдыха имени Горького. Так как времени на установку света нам было выделено три часа, мы с Алексеем решили прогуляться по парку, выпить пивка, а только потом уже заняться делом.

Леша, молодой парень крепкого телосложения, с небольшим выпирающим животиком, по всему было видно, любил испить кружечку-другую этого напитка. Погода была хорошая, пиво вкусное, девчонки симпатичные, и мы даже не заметили, как пролетели два часа. На все про все оставался час.

Добежав до Шаболовки и взглянув на часы, поняли, что каждому выставить свой собственный свет не получится, поэтому решили свет делать вместе, а вот снимать на разные фотоаппараты с разных точек и ракурсов, чтобы ввести в заблуждение Николая Ивановича. Так и поступили. Только я, проявляя и печатая дома фотографии, делал всевозможные «маски», печатал с разной выдержкой и применял прочие хитрости, которым был обучен еще когда занимался в фотокружке, а Леша напечатал без прикрас то, что было снято.

Утром пришли сдаваться Николаю Ивановичу. Первым протянул ему свои работы Алексей.

Стопка фотографий была небольшая, и, просматривая их, преподаватель комментировал:

— Это фигня. Это совсем никуда не годится. Эту вообще лучше бы не показывал.

Понимая, что меня ждет та же участь, я приуныл, протягивая свои работы. Их было больше, чем у Леши, поэтому стопка получилась увесистой.

Разложив их на столе и внимательно изучив, Николай Иванович вынес вердикт:

— Вот учись, Кирилов, как надо снимать!

Лешина фамилия была Кирилов, и он, открыв рот от неожиданности, недоуменно смотрел то на меня, то на мои фото. Я не удержался и прыснул от смеха.

Во как

Пришло время сдавать экзамены. Необходимо было снять сюжет на одну минуту. Да не просто снять, а монтажно (без последующего монтажа и озвучки).

Местом съемки был выбран Старый Арбат. Задача непростая, но выполнимая.

Дома я придумал сюжет, сделал к нему экспликацию и отхронометрировал каждый план. Удовлетворенный сделанным, лег спать. Утром, уверенный и спокойный, приехал на место съемки. Погода стояла солнечная, безветренная. Люди прогуливались, рассматривали картины, выставленные художниками прямо на улице, играли и пели музыканты. Экзаменуемых было четверо, а камера одна.

Мастер нашего курса выделил каждому по часу. Небезызвестный вам Леша начал первым. Наблюдая за ним, что и как он делает, я понимал, что мой сюжет интересней и точнее. Вторым пошел снимать Александр — двадцатилетний красивый парень с оленьими глазами и правильными чертами лица, который нравился многим девушкам на телецентре. Он не блистал умом, но был упертым и добивался своей цели любым путем. Взяв камеру, снял среднестатистический сюжет. Там была минимальная вероятность сделать что-то не так! Третьего экзаменуемого звали Владимир. О нем можно писать бесконечно: настолько он многогранен, интеллигентен и целостен как личность.

Володя подошел ко мне и спросил:

— Кто следующий: ты или я?

Мне всегда было интересно за ним наблюдать. К тому же мой сюжет никуда не денется.

— Снимай ты, — предложил я.

Володя взял камеру и, за тридцать минут сняв свой сюжет, передал ее мне. Бывает же такое — он снял план в план мою домашнюю заготовку! С одной стороны, мне польстило, что одаренный человек мыслит так же, с другой — оставшись без плана на съемку, я не знал, что делать.

Мы шли по Арбату.

Слушая стук своего сердца, лихорадочно соображал, что же мне делать и как быть? Сказать, что готовил такой же сюжет, — глупо, да и некрасиво это выглядело бы. Если сейчас мастер спросит: «Почему не снимаешь?» — я пропал.

Начал тянуть время: взял баланс на камере, проверил звук, записал ГЦП... Времени на съемку оставалось все меньше. Надо было что-то предпринимать!

Шел, лихорадочно оглядываясь по сторонам, и вдруг прямо посреди мостовой увидел люк. Обычный люк, которых тысячи в Москве. В этот момент у меня родилась идея нестандартного начала съемки.

Открыв его и написав на внутренней стороне: «Дипломная работа», я залез внутрь. Попросил ребят закрыть за мной крышку и потом, по команде, поднять ее. Получилось неожиданно и неординарно, когда из полной темноты поднимается крышка люка, на которой мелом выведена надпись. Неплохо! Но что делать дальше? Тут я вспомнил, что не так давно снимал здесь клип Юрия Антонова на песню «Переулочки Арбата». Это была моя «халтура», за которую я получил гонорар. Можно было задать вопрос людям, какие здешние переулки они знают! По моему сценарию, который спонтанно пришел мне в голову, выходило, что один из опрашиваемых не знает ни одного, второй — только частично, ну а третий назовет все. Сказать легко. А вот угадать, у кого спрашивать, — очень сложно. Ведь права на ошибку не было! Но ничего другого в голову не приходило, и я решил рискнуть. Первого вычислить было довольно просто. Выпивший мужчина в расстегнутой клетчатой рубашке, с засученными рукавами, с красными, мозолистыми, натруженными руками и черноземом под ногтями, явно попал сюда впервые.

Вторым был парень из породы вечно спешащих куда-то студентов. Как большинство из них, он знал много всего, но не до конца. Часть переулков он назвал, перековеркав некоторые названия. «То, что нужно!» — подумалось мне. Третьего, знающего все переулки Арбата, вычислить казалось невозможным. Хоть таковых и немного, но даже я, москвич, все не знал. И тут моя авантюра увенчалась успехом — из переулка на Арбат вышла бабушка с коляской! Подбегая к ней, рассуждал так: «С коляской она не могла прийти издалека, значит, гуляет с ребенком недалеко от дома. На вид интеллигентная, должна знать!».

Когда она, не напрягаясь, назвала все, у меня наступила эйфория. Ребята, уверенные, что это домашняя заготовка, не понимали, чего я так радуюсь. И только проницательный Володя, видимо, что-то почувствовавший, смотрел на меня все понимающим взглядом.

Несчастный случай

В работе операторов много интересного, но иногда и опасного. Съёмки ведутся в воздухе, под водой, под землей, в пустыне, на Северном полюсе, в зоне боевых действий и даже в космосе. Постоянная жизнь на колёсах, смена климатических поясов, подстерегающие опасности. Никогда не знаешь, куда забросит тебя судьба на этот раз. Это только со стороны кажется, что у операторов сладкая жизнь. Но мы любим свою работу, хотя иногда бывает нелегко и не всегда все зависит от тебя.

Вот и от Виталия не зависело то, что произошло во время съёмок одной из передач.

Он снимал из вертолета, который должен был зависнуть невысоко над землёй. Десантникам, находившимся внутри, нужно было выпрыгнуть из него на баскетбольную площадку и начать показательные выступления. Случилось то, чего никто не ожидал. Вертолет зацепил хвостовым винтом баскетбольный щит, упал и, переворачиваясь, покатился в овраг.

Как известно, в военном вертолётёте внутри находится дополнительный бак с топливом. Он загорелся. Находящаяся на площадке съёмочная группа видела, как ребята погибают, но ничем помочь не могла. Один из десантников, погибших там, был уже демобилизован и собирался ехать домой, но решил напоследок принять участие в показательных выступлениях и сам попросился в этот вертолёт. Видимо, такова была его судьба. А для Виталия это был обычный рабочий день оператора. Только закончился он для него трагично.

Халтура

В нашей молодежной компании появился еще один парень. Звали его Андреем. Он был очень шепутным от переизбытка энергии и очень деловым. С его характером он мог бы стать успешным предпринимателем.

Однажды он предложил нам подзаработать. Зарплата ассистента телеоператора была очень маленькой, поэтому мы с радостью согласились. Все, кроме Володи. Ему тоже не хватало денег: он жил вдвоем с мамой и едва сводил концы с концами. Ходил в старых заштопанных брюках и экономил на обедах, чтобы поехать к морю в Пицунду в отпуск. До сих пор не знаю, почему он отказался. Думается, потому что был очень скромным и имел свои принципы. Я же к тому времени был уже женат, и у нас родилась дочка. Надо было обеспечивать семью, а зарплаты не хватало. Жена постоянно «пилила» меня, ставя в пример моего школьного товарища, который работал на конвейере часового завода и получал триста рублей в месяц. Пришлось ходить на железнодорожную станцию «Бескудниково» к пяти утра, подрабатывать, меняя шпалы. Затем идти на основную работу. А потом ехать на Шаболовку учиться. Спал по четыре-пять часов в сутки. Было тяжело, но от своей мечты стать оператором я не отступал. Поэтому предложение Андрея было для меня как нельзя кстати. Заключалось оно в следующем: он где-то на «Мосфильме» добывал пленку в бобинах, раздавал ее нам; мы ее заряжали в свои фотоаппараты и ехали по адресам, указанным им же, снимать маленьких детей. Единственное, на что пришлось потратиться, — это купить осветительный прибор и штатив. С каждой квартиры мы получали от Андрея по два рубля пятьдесят копеек. Работали в основном в свои выходные. В день обходили квартир по десять. Нетрудно сделать простой математический подсчет: двадцать пять рублей в день. Получалось халтурить дней десять — уже двести пятьдесят рублей. Плюс зарплата восемьдесят. Триста двадцать рублей в те времена мало кто получал! Мы становились «богачами».

Я перестал работать на железнодорожной станции. В общем, жизнь налаживалась.

Песня-84

Потихоньку я чему-то научился в профессии, и даже небезызвестный вам Крокодил перестал ругаться на меня и начал доверять сложные съемки. Меня стали замечать и приглашать на свои работы и другие маститые операторы-постановщики.

Однажды один из них позвал снять в составе его бригады программу «Песня-84». В этой концертной программе были собраны лучшие песни за год. Декорации были роскошными, певцы — знаменитые, ответственность — огромная. Облажаться было нельзя. Я весь собрался и отработал хорошо. После съемок в те времена было принято устраивать всеобщий, как бы сейчас сказали, банкет.

Только тогда все это было проще, по-домашнему. Прямо в гримерке накрывали стол. Танцоры из Грузии своими кинжалами рубили докторскую колбасу, музыканты накрывали на стол, певцы снимали с себя грим. Режиссер Сережа, спросив у ведущего оператора, надежный ли я парень, и получив утвердительный ответ, послал меня за водкой. Это означало, что отработал я хорошо и принят в коллектив.

Пронесся незаметно водку на телецентр и войдя в гримерку, обратил внимание, что операторы Шорох и Шепот смотрят на меня с нетерпением. Олег Шорох был ведущим оператором этой программы: невысокий, веселый, вечно улыбающийся человек среднего возраста. Полной противоположностью ему был Пал Макарыч Шепот — огромный, пожилой, немногословный, бывший успешный профессиональный боксер. Тем не менее они неплохо уживались в одном коллективе.

— Наливай, — сказал Шепот и подставил граненый стакан, казавшийся стопкой в его кулачище.

— Вам сколько? — спросил я.

— Мне?! — удивленно вскинув косматые брови, спросил он и через паузу ответил. — Мне много!

Короче, вечер, что называется, удался. Если не считать того, что режиссер Сережа от количества выпитого не мог ходить. Пришлось отвозить его домой. Доведя до квартиры, прислонили к двери, нажали на звонок. От греха подальше спустились на пролет ниже, чтобы нас не было видно, и стали слушать. Дверь открыла жена, и Сережа плашмя рухнул в прихожую.

— Свинья ты после этого, а не режиссер! — услышали мы, и дверь захлопнулась.

Слет «удался»

Меня назначили так называемым «вожаком» комсомольской организации отдела. Назначение вроде бы почетное по тем временам, но эту обязанность брать на себя никто не спешил, так как нужно было бегать за комсомольцами и собирать с них взносы. Комсомольцы получали мало и даже с этими копейками расставались неохотно. А уж разбирать конфликтные ситуации было совсем неприятным и неблагодарным делом. Но в этом назначении, как рассказывали «вожаки» из других отделов, была и приятная сторона. Так называемые комсомольские слёты, которые по сути превращались в бесплатный отдых и пьянку за деньги организации. Вот на такой слет меня и отправили.

Комсомольская организация сняла отель в Дагомысе для конференции молодых комсомольских лидеров, которые прилетели со всех уголков нашей необъятной Родины. Ребята оказались контактные и любознательные, некоторые из них видели море впервые. Мы купались, загорали, ездили на экскурсии. Было здорово. Но завтра наступал час расплаты: где мы, в душном конференц-зале, должны будем делать умные, одухотворенные, заинтересованные лица, слушая всякую пафосную белиберду. Да еще потом и самим нести околесицу, делая при этом не терпящее возражений лицо, уверенное в незыблемой правоте комсомола.

Однажды, работая еще на старой работе, я какое-то время не платил взносы. Не потому, что было жаль двух несчастных копеек, а потому, что их надо было платить вовремя! А я забывал. Ведь была куча других забот, на мой взгляд, гораздо важнее этой. Вот и решил: заплачу сразу двадцать четыре копейки за весь год. Но тамошний комсомольский вожак отказался принять за год и настаивал на том, чтобы я вовремя вносил по две копейки. Он считал, что это дисциплинирует комсомольца. Мое мнение было, что это полная бредятина. «Положено заплатить за год двадцать четыре копейки — на, получи! А тратить свое время на то, чтобы найти его, да еще вовремя, бросая другие дела, может быть, более важные, я не буду!» — так ему и сказал. «Ничего важнее комсомольских дел нету!» — с пафосом заявил он. Я улыбнулся в ответ.

Такое поведение, видимо, взбесило его. Меня «пропесочили» на собрании и чуть не исключили из комсомола. Я смотрел на этих лживых приспособленцев, пресмыкающихся перед «вожаком», и мне вдруг стало их жаль.

«Неужели я становлюсь таким же?» — думалось мне вечером, сидя с комсомольцами в баре отеля. От расстройства заказал себе «текилы бум». Сказал бармену, что приготовлю ее сам, и попросил у него стакан с толстым дном. Когда приготовил напиток и стукнул стаканом о стойку бара, чтобы пошла реакция, ко мне потянулись любопытные комсомольцы. Оказывается, они не знали, что такое «текила бум». Не торопясь выпив и смачно закусив солью с лимоном, я пояснил, как и зачем готовится такой напиток. Что тут началось! Все стали обзьянничать и готовить текилу, стучать стаканами о стойку бара и, выпив ее, смачно закусывать солью и лимоном. Понимая последствия, которые могут грозить этим людям с непривычки, я пытался остановить их, но куда там. Им понравилось! Они пили один стакан за другим, а я, махнув рукой, пошел спать.

Утром на конференцию почти никто не пришел. Молодые комсомольские лидеры валялись под пальмами, на пляже и в любом другом месте, где их застало действие коварной текилы.

«А ведь и они иногда бывают живыми людьми», — подумал я.

Крупный план Аллы Пугачевой

Вернувшись на работу, я сидел и играл в шахматы с маститым оператором Борисом. Его часто приглашали снимать телеспектакли, и многие считали лестным для себя работать с ним. Я же пока не мог даже надеяться быть удостоенным такой чести. Мне просто интересно было с ним общаться, а ему, видимо, нечем было заняться. Поэтому мы играли в шахматы. Правда, по прошествии многих лет уже я приглашал его на свои проекты. Но тогда я не мог представить себе это даже в самых смелых мечтах. Борис походил на известного киноактера Георгия Вицина, был умным, интеллигентным и творческим человеком. Правда, некоторые в отделе его недолюбливали, якобы за снобизм. Я же, впоследствии работая с ним, такого не замечал. Подходили операторы, сдавали комсомольские взносы.

Боря спросил меня:

— Ты у нас будешь делать карьеру по комсомольской линии?

— Конечно же нет. Моя мечта — стать хорошим оператором и снимать интересные работы, — ответил я.

— Тогда зачем ты на это тратишь время?

Пришлось объяснить, что отказаться было невозможно. Доиграв со мной партию в шахматы, Борис поднялся и вышел. Вечером я узнал, что буду работать с ним на съемках Аллы Пугачевой. Она и тогда уже была звездой, и снимать ее было престижно.

На следующий день Боря в павильоне устанавливал свет для съемок ее крупного плана. Я же старался не упустить ни одного нюанса в работе мастера. Он как будто не замечал меня и, только закончив работу, поинтересовался:

— А как бы сделал ты?

И, услышав от меня ответ: «По-другому», от неожиданности довольно надолго замолчал.

— Ну что ж, попробуй, — сказал он и ушел курить.

Пугачева тогда, хоть и была уже звездой, но не такой пафосной, поэтому покорно стояла и ждала. Вообще, в те времена отношение к операторам было очень уважительное, и получить хорошего оператора для съемок считалось большим успехом. Поэтому «звезды» дарили им подарки и были с операторами в приятельских отношениях.

Я старался изо всех сил. Когда вернулся Борис с кружкой кофе в руке, показал, что у меня получилось. И, затаив дыхание, стал ждать его вердикта.

— Ты прав, — услышал я спокойный голос мэтра. — Делай!

За это я еще сильнее уважал его. Признав правоту мальчишки, он возвысился в моих глазах.

Мы даже подружились, как может подружиться пожилой, умудренный опытом профессионал и молодой ассистент.

Пицунда

Пришло время отпуска.

Поднакопив денег на «халтуре», я мог позволить себе нормально отдохнуть. Мы с Володей решили поехать в Пицунду. Это был мой первый нормальный отпуск после армии. Мы ехали в поезде и под стук колес строили планы. Пицунда встретила нас хорошей погодой, запахом хвои и ласковым морем. Прямо на берегу стояли красивые многоэтажные гостиницы. По наивности мы сунулись туда, но получили отказ. Свободных номеров, конечно же, не было. Поиски жилья в частном секторе к вечеру увенчались успехом.

Мы арендовали небольшой летний двухкомнатный домик недалеко от моря. Правда, домиком его назвать можно было с большой натяжкой. Скорее, это был приведенный в порядок, облагороженный сарайчик. Но нас, молодых, нетребовательных и оптимистичных, все устроило; главное — море рядом.

Договорились: завтракать дома, обедать в столовой, а вечером — чай с бутербродами. Готовили завтраки по очереди. Правда, я старался сачкануть, делая вид, что сплю, и тогда Володя пытался меня тактично разбудить. Он работал над своим голосом, пробуя говорить мягким баритоном. Поэтому утром я слышал, как он разминает голосовые связки звуками типа: «А-А-А-О-О-О-Э-Э-Э». Но пробудить лентяя не удавалось! И тогда он со вздохом принимался готовить завтрак. Позавтракав и выйдя во дворик, мы всегда натыкались на хозяина, который изо дня в день любовно мыл и натирал свою машину.

Поздоровавшись с ним, отправились к морю. Вода была теплая, и я с удовольствием плавал и катался на водных лыжах, пытаясь окатить волной сидящего на берегу Володю. Мне показалось (и это было лишь предположение!), что тот по неизвестной мне причине боится воды. Оказалось, что он не умеет плавать.

Рядом с пляжем находились два теннисных корта. Пообедав столовским борщом и котлетой, запив весь этот нехитрый, но зато достаточно дешевый обед компотом из сухофруктов, мы отправились туда. Володя играл неплохо, я же только начинал, поэтому очень старался не ударить в грязь лицом. Мои ужимки и неуклюжие прыжки рассмешили играющих на соседнем корте девушек. Услышав одобрительные возгласы, а затем смех и аплодисменты, я поспешил с ними познакомиться. Девушки оказались молодыми симпатичными хохотушками.

Поиграв пара на пару, отправились гулять по берегу. Любовались красивым закатом, купались, собирали разноцветные камешки.

Как часто бывает на море, неожиданно поднялся ветер и начался дождь. Наш домик находился недалеко, и было решено спрятаться у нас. Вечер переставал быть томным. Сама природа подыгрывала мне в моем естественном желании переспать с красивой девушкой. Та, судя по всему, тоже была не против. К этому располагал умиротворяющий шум прибоя за окном, еле слышный звук капель дождя и выпитое вино. У нас было две комнаты, поэтому никто никого не стеснял. Каково же было мое удивление, когда Володя поднялся и пошел под дождем провожать вторую девушку.

За любовными утехами время пролетело незаметно, и только под утро я обнаружил, что домой он так и не вернулся.

Нашел Володю на пляже. Когда я спросил его: «Почему ты не идешь домой?», он ответил, что ему неудобно нам мешать. И тут стыдно стало мне. В этом был весь Володя — тактичный, интеллигентный, скромный.

Утром я сам приготовил завтрак, заварил чай и терпеливо ждал, когда он проснется. В этот день у нас было запланировано посещение концерта органной музыки. Очень давно хотелось послушать орган, что называется, вживую.

После завтрака, выйдя во двор, мы, как всегда, встретили хозяина, намывавшего свою машину. Он пригласил нас поехать с ним завтра на рыбалку на катере. Нам эта идея очень понравилась, и мы, поблагодарив его, конечно же, согласились. Искупавшись и позагорав, отправились в Пицундский концертный зал. По дороге Володя рассказывал мне, что построен он в тысяча девятьсот семьдесят пятом году и орган там очень хороший — немецкий. Купив билеты на самые лучшие места, чтобы не упустить ни одного звукового нюанса, уселись и стали слушать. Объемное звучание заполнило весь зал. Раньше не слышав ничего подобного, я заслушался.

После концерта, гуляя по городу, мы обсуждали прослушанное. Оказалось, что Владимир еще и в музыке неплохо разбирается. «Здесь она пальцанула, — объяснял он мне. — А вот здесь...».

«Да, — подумал я. — Чтобы общаться с людьми такого круга, надо самообразовываться. А то как-то неудобно».

Рыбалка

На следующее утро, встав в пять утра, отправились на рыбалку. Море немного штормило. Аиэт (так звали нашего хозяина) объяснил, что в такую погоду в море выходить запрещено.

Увидев, что мы пригорюнились, он задумчиво почесал в затылке и, посмотрев на небо, задал нам неожиданный вопрос:

— Знаете, что означает мое имя?

Мы отрицательно покачали головами.

Аиэт — невысокий, кряжистый, лысеющий мужчина средних лет с мозолистыми руками — с гордостью пояснил нам:

— Морской бог!

На рыбалку очень хотелось, и, зная гордыню абхазцев, я решил спровоцировать его:

— Если ты бог, тем более морской, то волны тебе нипочем. Поехали ловить рыбу.

Еще раз внимательно взглянув на небо и на волны, наш гордый абхазец пошел звонить пограничникам. Естественно, они все были знакомы, и разрешение было получено. Залезть в катер с пирса при сильном волнении моря оказалось делом непростым. Лодку сильно подбрасывало на волнах, и надо было сохранять равновесие, чтобы не упасть за борт. Володя отказался от этого сомнительного и для него опасного эксперимента, так как не умел плавать.

Вдвоем вышли в открытое море. Лодку сильно качало, того и гляди перевернемся. Моя очередная авантюра могла закончиться плохо. Аиэт, привычный к качке, вел себя спокойно и деловито. Пытался что-то рассказывать, но за шумом мотора понять что-либо было сложно. Прохладный утренний ветер солеными брызгами освежал лицо. Пока добрались до места, ветер почти стих, небо прояснилось, и выглянуло солнце.

Рыбалка в корне отличалась от привычной мне рыбалки в средней полосе России. Выглядела она следующим образом: удочка с катушкой и леска, на конце которой довольно увесистое свинцовое грузило; далее шло штук десять блестящих крючков без всякой наживки, которые при помощи катушки даже не забрасывали, а просто опускали в море и, подергав пару раз, поднимали обратно. Каково же было мое удивление, когда почти на каждом крючке висело по ставридке!

Вдруг рядом с нами появился пограничный корабль.

Аиэт сказал:

— Не волнуйся, они всегда отслеживают меня и встают рядом ловить рыбу. Знают: там, где я, рыба ловиться будет.

Так, незатейливо опуская и поднимая леску с пустыми крючками, за пару часов наловили рыбы полную крышку от мотора.

В лодке лежал молоток, и мне было интересно: зачем он здесь? Ответ не заставил себя долго ждать. В очередной раз поднимая леску, на одном из крючков я увидел необычную рыбу: длиной сантиметров тридцать, с крупной головой, высоко посаженными глазами и шипами на спинном плавнике. Когда я опустил ее на дно лодки, Аиэт вдруг поджал ноги и стал бить ее молотком.

— Это ядовитый морской дракон, — объяснил он.

Тут я тоже поджал ноги, потому что рыба извивалась и подпрыгивала. В конце концов, кое-как выбросив ее обратно в море, завели мотор и пошли к берегу. На море уже стоял полный штиль, нас сопровождали дельфины.

Коптили ставриду. Запах стоял умопомрачительный. Беседовали. Я рассказывал Володе о ядовитом морском драконе. С удовольствием полакомились рыбкой, пошли купаться и загорать. Поплавав и растянувшись на берегу, закрыл глаза. Слушая морской прибой, думал: «Жизнь хороша!».

«Камо»

Перед самым моим отъездом в отпуск Борис предложил мне снимать вместе с ним телеспектакль, да еще вторым оператором! Для ассистента это было сказочное везение. Спектакль назывался «Камо», и состоял из четырех серий. В нем рассказывалось про известного революционера. В те времена патриотические спектакли и фильмы снимались часто.

Борис дал мне задание: во время отпуска сделать раскадровку и экспликацию всех серий. Чем я на пляже, под палящим солнцем, и занимался. Работы было — непочатый край! Учítывая то, что я плохо рисовал, дело, доверенное мне, было очень серьезным и ответственным, поэтому не сразу заметил, что рядом со мной присели две молодые девушки, которые, улыбаясь, смотрели на мои каракули.

— А что это за кружочки с носиками и квадратики? — спросила одна из них.

Я с гордостью объяснил им, чем занимаюсь, и посетовал на неумение рисовать. Одна из девушек (ее звали Наташа) предложила помочь мне.

Угощая их мороженым в кафе, я незаметно рассмотрел обеих. Впрочем, как всегда бывает: одна толстенькая, страшненькая, а вторая, Наташа, — просто чудо. Высокая, стройная, с огромными зелеными глазами, слегка выющимися русыми волосами, немного влажными после купания. Особенно меня умиляли веснушки, которые делали ее лучезарную улыбку озорной.

Володя не знал, что к тому времени мы с женой уже развелись. Сложно сказать, кто в этом был виноват. Наверное, я. Слова начальника отдела при поступлении на работу оказались пророческими.

Он сказал мне:

— Добро пожаловать в отдел потенциальных алиментчиков.

— Почему? — спросил я.

— Потом поймешь, — был ответ.

И действительно — постоянные командировки, ненормированный рабочий день, работа ночами... Мало кто из жен выдерживал.

Пытаясь оградить меня от измены, Володя тактично указывал на недостатки Наташи. Говорил, что ее движения не пластичны. Но меня это не остановило, и между нами начался, как говорят, курортный роман. Мне повезло, я совмещал приятное с полезным. Чередую прогулки с любовными утехами, а вечерами, выпив вина, занимались раскадровкой сценария. Эта работа показалась ей интересной и увлекательной, она даже решила поступать на сценарный факультет.

Так, незаметно и с пользой, пролетел отпуск. Пришло время расставаться. Прощание с Наташей затянулось. Я чуть не опоздал на автобус. И, вскочив на подножку уже отъезжающего, увидел немой укор в глазах Володи. Мне опять стало стыдно.

Первый гонорар

Вернувшись из отпуска, встретил Милана, который шел в кассу получать гонорар. Идя с ним по коридору «Останкино», рассказывал, как провел отпуск и что Борис пригласил меня вторым снимать телеспектакль. Операторы-постановщики, коим являлся Милан, не любили, когда из их команды переманивали людей. Но, понимая, что это улучшит мою квалификацию, он, поморщившись, все же дал добро.

Чтобы смягчить напряженность момента, я попросил его рассказать что-нибудь из жизни операторов. У него было много интересных историй, которые он частенько любил мне рассказывать.

Вот одна из них.

Сейчас могу напутать: где, в каком городе и с кем это происходило, но история была подлинная. Как-то раз в командировке в номере гостиницы они прожгли диван кипятильником. Дырка была большая, и замаскировать ее не получалось, поэтому было принято решение распилить его и вынести в кофрах от оборудования. Когда пришло время уезжать и сдавать номер, горничная обнаружила, что дивана нет. Ее удивлению не было предела. Операторы же уверяли, что его здесь и не было.

— Как же не было? — вопрошала горничная. — Вот же на полу следы от его ножек!

— Ну что съели мы его, что ли?! — отвечали операторы.

Так и уехали, оставив персонал гостиницы в полном недоумении. Подобных историй было великое множество, и рассказ о них впереди.

Получив деньги в кассе, Милан пересчитал бумажки и, повертев в руках юбилейный рубль, протянул его мне.

— На, сбереги его. Это твой первый гонорар.

Генерал

Среди операторов, как я уже говорил, было много неординарных личностей. Операторы вообще — харизматичные, свободолюбивые, творчески одаренные люди, и иногда, давая выход всему этому, любят, что называется, погусарить. Об одном из них и будет мой дальнейший рассказ.

Звали его Юрий Алексеевич. Приближаясь к пенсионному возрасту, он в душе не переставал быть неординарно-изобретательным мальчишкой. Рассказывать о нем можно бесконечно. Я же выбрал всего лишь несколько историй. Этот человек не мог жить по нормам и правилам того времени. В нем было сильно развито чувство противоречия. Иногда он поступал неправильно, но, как мне сейчас кажется, чувства и энергия, переполняющие его, просто искали выход, и выход этой энергии им не управлялся. Он просто жил, как чувствовал и как умел — не уподобляясь, не пресмыкаясь, не приспособливаясь.

Операторы дали ему кличку «Генерал» — почему, не знаю, это было до меня. Могу лишь предположить, что за его бескомпромиссность и дерзкий нрав. Такой же вольнолюбивый и иногда неуправляемый был и Борис. Тот самый Борис, который, помните, гонял на глазах удивленных зрителей с грузкой в руках режиссера.

Боря узнал, что Милан дал мне первый гонорар — юбилейный рубль, и предложил это дело отметить.

Мы шли втроем по улице Горького, ныне Тверской, и у нас с собой было. Проблема заключалась лишь в том, что быть-то было, а выпить негде. Могло последовать суровое наказание за распитие в общественном месте, я не говорю уже о письме на работу. За это могли и выгнать.

Итак, нам с Борисом не терпелось выпить. «Генерал» же не проявлял никаких признаков нетерпения, более того, сказав, что ему нужно купить пиджак, зашел в магазин одежды. Мы, выругавшись, последовали за ним.

— Нашел время, — шептал Борис, любовно ощупывая бутылку водки в сумке.

«Генерал» не торопясь выбрал пиджак и пошел с ним в примерочную. Мы материли его про себя. Через пару минут оттуда раздался голос:

— Идите, посмотрите, как сидит пиджак.

Еще больше распаляясь, мы зашли в примерочную... Пиджак висел на вешалке, а на стуле лежало на газетке аккуратно нарезанное яблочко и стоял раскладной стакан. Выпив и закусив яблочком, вышли и повесили пиджак на место.

Институт культуры

В нашем отделе сменился начальник. Описать его не составляет труда: он был практически двойником председателя правительства Российской Федерации Евгения Максимовича Примакова. Только звали его Анатолий Петрович, и фамилия была не Примаков. Так вот, невзирая на то, что молодые ассистенты операторов уже несколько раз отучились во Всесоюзном институте повышения квалификации, он отправил нас поступать в «кулек» — институт культуры. Спорить было бесполезно, и мы всей дружной компанией отправились туда.

Сначала было собеседование. Войдя в аудиторию, я увидел сидящего за столом маленького подвижного человека. Ему как будто не сиделось на месте, он постоянно двигался. Создавалось впечатление, что он чего-то или кого-то ищет. Маленького роста, вертлявый, с бегающими глазками. Про себя я почему-то окрестил его хорьком. Увидев меня, он улыбнулся плотоядной улыбкой, в которой не было радости и доброжелательности, а скорее, она выражала насмешку или иронию. Не предложив мне даже сесть, «хорек» задал первый вопрос:

— Что сказал Ленин о кино?!

Ответ на этот вопрос в те времена знали, наверное, все. Правда, вариантов было два. «Видимо, здесь есть какой-то подвох», — подумал я и на всякий случай решил озвучить оба.

Звучало это приблизительно так:

— Кино является важнейшим из искусств всех времен и народов. Или: кино является важнейшим из искусств на данный момент.

Мой ответ вызвал у преподавателя почему-то негативную реакцию.

И в ответ я услышал что-то типа:

— Сильно умный, что ли?! — и, достав черно-белую фотографию, спросил. — Чей бюст изображен на ней?

— Карла Маркса, — ответил я неуверенно.

Качество фотографии оставляло желать лучшего, да и Маркс с Энгельсом похожи, и оба бородатые. Тем более бюст, а не портрет!

— Правильно, — с улыбкой, не обещающей ничего хорошего, ответил он и, выдержав паузу, спросил. — А из какого материала сделан бюст?

— Мрамор, — еще неувереннее ответил я.

— А теперь назовите сорт мрамора, — был следующий вопрос.

Тут я понял, что человек по какой-то, одному ему известной причине, меня просто «валит». «Возможно, мучается от простатита», — подумалось мне. Терять было нечего, и я ответил, что сорта мрамора не знаю, так как поступаю в институт культуры, а не в геологический.

— Очень плохо, — ответил «хорек». — Оператор сорт мрамора должен уметь определять по блику на камне.

Возможно, где-то и есть такой оператор, но, отработав более сорока лет в профессии, в разных странах мира, с операторами со всех частей света, такого так и не встретил.

АПБ

Возвращаться в отдел в хорошем настроении от того, что не поступил в «кулек», было даже к лучшему. Во-первых, можно было целиком отдаться работе над телеспектаклем, а во-вторых, честно говоря, не хотелось тратить пять лет жизни на третьесортный институт, готовящий в основном массовиков-затейников.

В отделе сидел чем-то озадаченный Борис. Решив, что моя экспликация ему не понравилась, поинтересовался: как обстоят дела с нашим проектом?

— Все идет не так, как я хотел, — ответил он.

И объяснил, что новый начальник не разрешает ему брать меня вторым оператором на эту съемку, так как квалификация ассистента не соответствует данной работе. Это прозвучало для меня как гром среди ясного неба. Мечта рушилась! Пытаясь, как утопающий, уцепиться хоть за что-нибудь, я говорил о том, что мне не нужен гонорар за эту работу, неважно, как буду писаться в титрах, хоть разнорабочим, и еще много чего. Борино лицо просветлело, и он сказал, что пойдет и попытается уговорить Анатолия Петровича.

И потянулись дни неопределенности, ожидания и надежды.

У Милана больших работ в это время не было, поэтому каждый человек из нашей команды работал сам по себе.

Тут надо пояснить, как строилась работа отдела. Если какая-нибудь из групп, состоящая из четырех человек, не работала на многокамерной съемке, то на это время она разделялась, и операторы снимали то, что укажет в расписании руководство отдела. Ассистентов же в основном отправляли в АПБ (аппаратно-студийные блоки), находящиеся в эфирном здании через дорогу. Эти аппаратные «эффирили» на так называемые «орбиты», то есть на Дальний Восток и другие часовые пояса тогда еще большого СССР. Работать приходилось в основном ночью. Каждому оператору выделялось по несколько АПБ, в маленьких студиях которых, в перерывах между программами, просто показывали под музыку фотографии с пейзажами или дикторы объявляли следующую программу. Операторы с дикторами по большей части дружили, но были и всевозможные казусы. О парочке таких конфузов я и расскажу.

Однажды пожилой диктор, которого мы любя называли дядя Володя, проработал несколько месяцев по обмену в Японии и на все заработанные там деньги по недоразумению купил только галстук. Вернувшись в Москву, пришел в нем в студию АПБ. Галстук был немислимо дорогим для советского человека! И поэтому я не преминул поинтересоваться, зачем он потратил на него все свои деньги? А дело было так.

Перед отъездом из Японии дядя Володя решил пройтись по магазинам, купить подарки друзьям и родственникам. (Сейчас могу что-нибудь перепутать, ведь со времени его рассказа прошло лет сорок.) Зайдя в один из магазинов и выбрав понравившийся ему галстук, он с удивлением заметил, что магазин закрыли и в нем началось непонятное движение. Собрался весь персонал, галстук ему вынесли на серебряном подносе, соблюдая определенный церемониал. Уточнили, не разонравился ли он ему и точно ли он будет его брать? Решив, что это какая-то провокация, дядя Володя утвердительно кивнул. Тогда ему объявили цену и упаковали галстук вместе с серебряным подносом. Цена была настолько высокой, что все деньги, заработанные им за полгода работы в Японии, пришлось отдать за него. Как потом выяснилось, это была вовсе и не провокация, просто магазин, в который он случайно зашел, был одним из самых дорогих. В нем продавались роскошные вещи, выпущенные в единственном экземпляре, и приобретали там что-либо только очень обеспеченные люди.

Так вот, сидя в студии, он и поведал мне эту историю. Я в это время выставлял на него свет и очень старался. Закончив, повернул монитор к нему. Мужчины-дикторы, в отличие от их коллег женского пола, обычно не так трепетно относятся к своему изображению на экране

телевизора. Одобрив увиденное, дядя Володя позволил себе усомниться в правильности цветопередачи галстука, которым он, по известным причинам, очень дорожил. С ним можно было шутить, время до выхода в «эфир» еще было, и я, на голубом глазу, предложил ему пойти в аппаратную, где более правильные мониторы, и оценить цвет галстука.

Зайдя в аппаратную, он увидел пустое кресло, ведь он вышел из кадра. Я на всякий случай готов был убежать, но, вернувшись в студию, он так заразительно смеялся, что не мог ничего сказать, а лишь грозил мне пальцем. Приступ смеха скопил нас обоих до икоты, и лишь перед самым выходом в «эфир» еле остановились. Так дядя Володя и объявлял дальнейшую телепрограмму — с красным от смеха лицом и слезящимися от него же глазами.

Но бывало и по-другому.

Когда я первый раз шел работать в АПБ, опытные операторы узнав, что работать мне придется с диктором Светланой, перекрестили меня и дали наставления: не связываться с ней.

В студии сидела молодая женщина, которую я, конечно, часто видел по телевизору. Там она улыбалась лучезарной улыбкой и была очень мила. Трудно было поверить рассказам операторов о ней.

Поздоровавшись, подошел к камере и тут же услышал ее неодобрительное ворчание, типа: опять плохого оператора прислали. Мы виделись впервые, и судить о том, какой я оператор, она не могла. Я молча увеличил крупность плана, чтобы взять фокус. В мониторе появилось ее лицо. И что тут началось! Она взвилась, осыпая меня оскорблениями, потому что, якобы, так крупно ее лицо показывать нельзя. Я и не собирался этого делать! Мне просто нужно было взять фокус. Памятуя о наставлении друзей перед этой работой, промолчал и лишь увеличил крупность до одного глаза, под которым были видны старческие морщинки. Это ее окончательно взбесило, и в мою сторону посыпался отборный мат.

Сдержавшись и тут, «включил дурака» и ответил:

— У меня инструкция: фокус берется по блику в глазу.

И это было правдой. Хотя, конечно, можно было взять его и по-другому. Увидев перед собой полного идиота, она вся обмякла, и я понял, что стал для нее врагом. Имея хорошие связи на самом верху — и не только у руководства телецентра, а и гораздо выше, ведь на экране это был «ангелочек», любимый народом нашей необъятной Родины, — она могла пожаловаться на меня, и с ней не стали бы связываться. Проще было уволить молодого, никому неизвестного ассистента. Но все обошлось.

Облом или кабинет «Генерала»

Вернувшись на следующий день в отдел, я ожидал чего угодно. Настроение было — не приведи Господь! Да еще, встретив Бориса, узнал, что Петрович окончательно запретил мне снимать телеспектакль. Не знаю, связано ли это было с жалобой на меня Светланы или просто совпадение, но мне от этого было не легче. Да тут еще «Генерал» за что-то, прямо перед выходом в эфир, набил морду диктору, и тому пришлось, кое-как замазав синяк под глазом, работать. Короче, всем было не до меня.

Несмотря на то, что Крокодил стал доверять мне все более сложные съемки, и даже много лет работающий птеродактиль-Толя, с которым, конечно же, нас Милан помирил (а куда было деваться?), просил меня вместо него выставлять планы и свет на доверенных ему руководством небольших программах, типа «Утренняя зарядка», — я оставался ассистентом. Правда, уже второй категории, которую присвоил мне почтительный художник. Хотелось творческой работы, а меня посылали в АПБ снимать заставки перед программами.

В таком настроении я вышел покурить (хотя в пору было выпить!) и встретил там разъяренного «Генерала», который, посылая всех на***, предложил:

— Пойдем ко мне в кабинет, «накатим» по стаканчику.

«Интересно, — подумалось мне. — Откуда у него кабинет?». И мы пошли.

Увидев «кабинет», я лишний раз подивился его неординарному мышлению: это был огромный подземный переход между двумя зданиями телецентра, настолько длинный и пустой, что ходить по нему было неприятно, поэтому сотрудники предпочитали перемещаться из здания в здание по улице. Там у «Генерала», в проеме стены, стояло два «дежурных» стакана, из которых мы и выпили.

Вечером, как всегда, надо было звонить в отдел, узнавать работу на завтра. И то ли я неправильно понял, то ли на том конце провода посмотрели не на ту строчку... В общем, сказали, что выходной.

Выспался, принял душ и не торопясь позавтракал. Зазвонил телефон.

Взяв трубку, услышал голос начальника отдела:

— Ты почему не на работе? — спрашивал он.

Никаких оправданий слушать не стал. В результате, в качестве наказания, отправил меня работать ночью в АПБ на месяц.

«Какая-то черная полоса», — подумалось мне.

Светлая полоса или «Взгляд»

Между тем «Молодежная редакция» запускала новый проект, и два маститых оператора, Николай и Ефим, набирали команду для съемок.

Взяв несколько сильных операторов, они решили, что им нужны ассистенты. Выбирая из обширного списка молодых операторов, они остановились на кандидатурах Володи (что было ожидаемо), Александра (помните того самого, не хватающего звезд с неба, но упертого), Алексея (с которым мы пили пиво и сдавали фотографии) и, уговорив Петровича сменить гнев на милость, забрали и меня из изгнания в АПБ.

Как пойдет программа, будет ли она рейтинговой и сколько вообще «проживет» — никто предсказать не мог. Названия у нее тогда еще не было. И только впоследствии она стала называться «Взгляд».

Вести ее пригласили троих молодых ребят из «Иновещания». Звали их Владислав, Александр и Дмитрий. В дальнейшем судьба каждого из них сложилась по-разному: один стал успешным, второго застрелили, третий предпочел уйти из публичного медийного пространства.

Тогда же они были талантливыми людьми, но мало разбирающимися в телевидении. Поэтому мы, поднаторевшие уже в этом вопросе, чувствовали себя по сравнению с ними почти гуру телевидения. Всех нас объединяло желание сделать эту программу интересной в смысловом и достойной в визуальном наполнении.

Руководили проектом старые матерые телевизионщики. Может быть, поэтому все и получилось!

Мы выходили в прямом эфире (то есть без записи программы), что накладывало дополнительную ответственность и щекотало нервы. Ошибиться было нельзя ни им, ни нам. Декорация на первых порах была достаточно убогой, и приходилось самим придумывать, как ее расставить. Я стоял за камерой, которая показывала Влада. Мы быстро сдружились, как, впрочем, и все.

Чувство ответственности, взаимопомощи и просто человеческое отношение быстро сблизили и сплотили весь коллектив. Жили и чувствовали — как один организм. Я до сих пор горжусь, что был частичкой этой программы. Это было для меня одним из лучших, если не лучшим, временем в жизни!

Очки

Кроме прямых эфиров программы «Взгляд», мы работали и на выездных съемках с использованием камер ТЖК, что для нас было большим плюсом. Я уже говорил, что таких камер было немного, и доверяли их не всем. Поэтому на свой первый выезд я поехал с более опытным оператором. В его задачу входило курировать мою работу, помогать, подсказывать и, если вдруг появится необходимость, отстранить меня от съемки и снять сюжет самому. Валентин, так его звали, предложил мне компромиссное решение. Так как съемка событийная и легко было упустить момент ввиду моей неопытности, он предложил, что сюжет снимет сам, а перебивки — я. Перебивки снимались для смены планов в видеоряде во время монтажа. С одной стороны, хотелось снять самому, а с другой — это было большим риском. Ведь если бы я «прокололся», то не видать мне в дальнейшем работы на ТЖК. Подумав, я согласился.

Через несколько месяцев, когда я уже уверенно работал на этих камерах, к нам во «Взгляд» пришел работать Колюня. Да-да, тот самый, который наставлял меня в мой первый рабочий день. Только теперь, по иронии судьбы, я ехал с ним на съемку в качестве наставника! Мы должны были снять событийный сюжет.

На Пушкинской площади, в самой гуще народа стоял оратор и что-то вещал. Толпа волновалась. Необходимо было подобраться как можно ближе к говорящему и снять его. Чтобы не подставлять Колюню, я предложил ему тот же вариант, что когда-то предлагали и мне. На том и порешили.

Оставив его сидеть на лавочке и охранять кофр от камеры, сам ринулся в бурлящую толпу. С большим трудом протиснувшись поближе к оратору, начал снимать.

Стремясь подойти поближе, люди толкались. Народ прибывал, становилось тесновато. Вот уже кто-то уперся руками мне в спину и раскачивал в такт движению толпы. Понимая, что снимаемое изображение из-за этого трясется (а это недопустимо!), попытался освободиться от назойливого соседа. Так как шла съемка и повернуться к нему я не мог, то пытался отбиться, толкая его локтем — не помогло. Наступал на ногу — никакой реакции. Оставался жестокий, но действенный прием, которому меня научили побывавшие в разных передрягах операторы: надо было, как бы снимая, сделать резкий поворот туловища вправо. Камера была на плече и при повороте ударяла аккумулятором, находящимся сзади, по человеку, стоящему за спиной. Это была крайняя, но действенная мера.

Получив удар, человек, стоявший сзади и толкавший меня в спину, обратился ко мне с обидой:

— Юрания, ты что, совсем с ума сошел?!

Обернувшись, я увидел Колюню, выпрямляющего погнутые камерой очки. Оказывается, он пытался таким образом мне помочь.

Балкон с вишней

Как-то раз программа «Взгляд» проводила выездной выпуск в Лужниках. По окончании его ко мне подошел взволнованный Влад. Показав «котлету» пятирублевок, которую он получил за ведение этого выпуска, спросил: есть ли место, куда мы можем сейчас поехать, пропить первый в его жизни гонорар? Рядом стоящий Колюня предложил поехать к нему, по-моему, в Чертаново или Бирюлево, или куда-то в этом духе. По прошествии стольких лет могу ошибаться.

Жил он на первом этаже в однушке, с женой и двумя детьми, и который год стоял в очереди на квартиру, которую ему никак не давали.

Жена с детьми уехали отдыхать к бабушке в деревню, и квартира была в полном нашем распоряжении.

Пятьсот рублей, полученные Владом, в те времена были большой суммой, поэтому мы вчетвером с шиком добрались до его дома на такси. Четвертым к нам присоединился один из ведущих «Взгляда» — Саша. Закупив по дороге спиртного и закуски, хотели еще купить фруктов, но Колюня наотрез отказался, заявив, что будет сюрприз.

Квартирка была маленькой, похожей на общежитие, так как там, в единственной семнадцатиметровой комнате, стояли три кровати, стол, четыре стула и огромный шкаф. Изюминкой этой квартиры был балкон, рядом с которым, на расстоянии вытянутой руки, росла вишня. Там мы и расположились. Выпивая, закусывали, срывая ягоды. Еще одной фишкой был старинный граммофон. Чтобы он издавал звуки, надо было крутить ручку, что мы с упоением и делали. Потом Саша играл на гитаре, а мы пели. Оказывается, раньше он подрабатывал, играя, по-моему, в кинотеатре «Ударник» перед просмотром фильма. Ну, а потом, как всегда, захотелось женщин, и Саша пригласил Жанну. Она оказалась общительной и, выпив штрафную, быстро влилась в нашу веселую компанию. Отведя меня на кухню и объяснив, что девушку берут в нашу программу корреспондентом, Саша предложил мне съездить с ней в командировку в Киев.

— Можешь ничего не снимать, — сказал он мне. — Только для отчета. Отдохнешь. Ее сюжет все равно в эфир не пойдет.

— А что она представляет из себя как корреспондент? — спросил я.

И в ответ услышал:

— Не знаю. Но посмотри, какая жопа!

К тому времени мы уже были изрядно выпивши. Жанна уехала, Влад заснул на балконе, нас с Сашей Колюня, как гостеприимный хозяин, уложил прямо в одежде в хозяйскую кровать, а сам спал на кухне, сдвинув стулья. Вот так все начиналось. Все были просто друзьями — без пафоса и амбиций.

Впоследствии это стало традицией и называлось «поехать под вишню». И даже когда Колюня все-таки получил трехкомнатную квартиру на двенадцатом этаже, нам не доставало этого балкона. Под вишней.

Девять негритят

Мы с Жанной ехали в Киев. Поезд мерно постукивал колесами, в стаканах с чаем позвякивали ложечки. Казалось, ничто и никто не сможет нарушить эту идиллию. Да не тут-то было. Осветитель, ехавший с нами, смачно сглотнув слюну, поделился своим знанием, в красках расписав, что, если в чай добавить ложечку коньячку, то тот приобретет богатый и неповторимый вкус и аромат. Не услышав в ответ запрета, он достал коньяк, плеснул немного себе в чай и дал нам понюхать. Аромат действительно был хорошим. Решили попробовать.

Когда поезд сделал остановку, я послал «светика» за второй. Жанна разговорила и рассказала нам, что сюжет будет о женщине, которая взяла на воспитание, по-моему, девять негритят, и снимать мы его будем в пятидесяти километрах от Киева. «Вот и погулял по красивому городу», — думал я, подливая всем коньяк. Чай нам был уже не нужен.

Пока добирались до места съемки, от выпитого накануне разболелась голова. Памятуя о том, что сюжет в эфир не пойдет, я решил не делать бесполезной работы, ставя свет. Правда, было темновато для съемки, но для отчета пойдет. Осветителю же нашел более нужное применение, отправив его за пивом.

Закончив съемку, пошли ужинать в ресторан. Камеру взял с собой. Не оставлять же ее в пустой машине?!

Ресторан был с претензией: светлый антураж помещения, выполненный в пастельных тонах, круглые столы, накрытые белоснежными скатертями, свисающими чуть ли не до пола, большие окна, закругленные сверху.

Поставив камеру под стол, принялся изучать меню. До поезда было еще много времени, и можно было, не торопясь, как следует подкрепиться. Запив отменный ужин бутылочкой красного вина и закулив настоящую гаванскую сигару, подаренную мне на одной из съемок, я расслабился.

Дорога до Киева пролетела незаметно. Выгружая кофр с камерой, обратил внимание, что он легче обычного и там что-то болтается. Такого не должно было быть. Открыв его, я обнаружил внутри вместо камеры трехлитровую банку с пивом!

Обратно в ресторан летели быстрее ветра. Камера, к счастью, была на месте. На вопрос: «Зачем положил банку пива в кофр?», осветитель резонно ответил, что там оно в безопасности.

Кстати, привезенный нами сюжет в эфир все-таки вышел.

Первая «халтура»

В конце восьмидесятых начались первые «халтуры». Сторонние заказчики приглашали за наличные что-нибудь снять. Вот на такую работу, а точнее, новогодний концерт в прямом эфире, меня и пригласили.

Идея встретить Новый год на улице, снимая концерт, и получить за это деньги показалась мне заманчивой. На улице стоял лютый мороз, но меня по неопытности это не остановило. Одевшись красиво (тогда был в моде демисезонный плащ-пальто) и захватив с собой для «сугрева» бутылку коньяка, вышел на улицу. Я был молод и, как все молодые люди, модничал. Снег скрипел под ногами, морозный ветер ударил в лицо. Началась пурга. «Ничего, — подумал я. — С коньяком не замерзну».

Начался концерт. Певцы выбегали на обледеневшую сцену из теплой гримерки. Хорошо, что пели они под фонограмму, а то бы слышно было, как они, замерзая, стучат зубами от холода. Зрители, подпрыгивая на месте, согревались спиртными напитками.

Я, стоя за камерой, сильно замерз. Мои пальцы на ногах и руках окоченели, коньяк кончился, а впереди было еще полтора часа концерта, который шел без перерыва, и отойти погреться было нельзя.

В дальнейшем на подобных мероприятиях стали добавлять подменного оператора, а то и двух, чтобы основные могли погреться, сходить в туалет или просто выпить горячего чая. Но тогда подобной практики не было (или организаторы просто сэкономили деньги).

Мимо меня проходили веселые, тепло одетые, подвыпившие люди. Остановив двух молодых ребят, я попросил их помочь мне. Надев на одного из них наушники, как мог объяснил, что, если режиссер скажет: «Вторая камера, наезд», нужно плавно нажать на ручку трансформатора, а если скажет: «Панорама», то медленно повернуть камеру. Парень, как мне показалось, отнесся к порученному ему делу серьезно. «Ничего, — подумалось мне. — За пять минут ничего не случится». И побежал греться в ПТС (передвижную телевизионную станцию).

Она представляла собой большой ТЕПЛЫЙ автобус, в котором находились видеоинженеры, звукорежиссер и, конечно же, режиссер, который командовал камерами и выдавал их в эфир. Вбежав в ПТС и встав за спиной у режиссера, начал наблюдать за происходящим. Пальцы рук, начиная отходить, сильно болели, и в этот момент я услышал команду Сергея: «Вторая камера, панорама направо». Вторая камера, за которой должен был быть я, немедленно отреагировала и сделала неопределенное хаотичное движение в виде вращения по кругу. Удивленный Сергей, добавив крепкое словцо, спросил: «Ты, что там, совсем замерз?!». Что оставалось делать...

— Уже нет! — крикнул я, выбегая из ПТС.

Сергей от неожиданности вздрогнул, повернулся и недоуменно смотрел мне вслед. Встречаясь с ним, мы иногда с улыбкой вспоминаем ту новогоднюю съемку.

Кран

Продолжая морозную тему, хочу рассказать еще один случай.

Дело было зимой на ВДНХ. Пал Макарыч (помните главу «Песня-84»? Да-да, именно тот, которому «наливать много»!) поставил меня работать на кране. Передвижной кран в те годы представлял из себя грузовую машину, у которой в кузове был, сейчас уже не помню, семи- или девятиметровый кран заканчивающийся площадкой, на которую крепили камеру. Оператор, работающий на ней, мог попасть туда только при поднятой стреле по маленьким приваренным — даже не ступенькам, а скорее железным пятисантиметровым планочкам. Это было вызвано необходимостью сначала загрузить противовес крана двадцатикилограммовыми грузками под вес человека. Лезть по стреле без страховки, в мороз, да еще по скользким обледенелым железкам — занятие стремное, и если грузок на противовесе мало, то стрела могла пойти вниз, и тут надо было держать равновесие, чтобы не свалиться. Тем не менее выбора у меня не было, и я полез. Пал Макарыч не знал о моей боязни высоты, а говорить было стыдно. Те, кто знает, как страшно бывает таким людям, меня поймут. Весь в поту, с дрожащими от страха ногами, кое-как добрался до камеры и, сев в железное операторское кресло, немедленно пристегнулся.

Съемка задерживалась, и мне предложили слезть, выпить чаю, погреться и размять ноги. Я вообще не представлял себе, как буду это делать, а уж чтобы сделать это два раза — и речи быть не могло! Поэтому пришлось отказаться. В результате просидел на ветру и морозе три с половиной часа. Когда все закончилось и мне предложили спуститься, то ни один мускул на одревеневшем теле не работал. Поняв это, операторы попытались докинуть до меня теплые варежки. И одну даже получилось поймать. Но все это были лишь полумеры. Замерзшие ноги не слушались, пальцы на руках не гибались. Получалось только глупо моргать глазами и проносить что-то нечленораздельное.

Пришлось Пал Макарычу нарушить технику безопасности. Вместе с операторами, ухватившись за противовес крана и аккуратно снимая по одной грузке, они опустили меня. Если бы они не удержали стрелу крана и она сорвалась, то кабина водителя, наверное, сплюснулась бы.

Сейчас таких кранов давно уже нет, оператор управляет камерой дистанционно, с земли.

«ТОСТ»

Однажды, беседуя с одним из режиссеров «Взгляда», я рассказал ему о своей мечте: когда-нибудь, накопив денег, купить маленький островок где-нибудь на Карибах, построить там собственную небольшую студию и снимать то, что хочется.

— А как же быть с эфирами? — задал вопрос Андрей.

Он был одним из лучших режиссеров «Взгляда». Небольшого роста, лет тридцати, с вечно растрепанными волосами и умными, пронизывающими насквозь глазами.

— Если кого-то заинтересует мое творчество, то пусть забирают и показывают, — ответил я.

— Остров на Карибах — это, конечно, здорово, но пока недоступно. Могу предложить тебе вариант, который немного приблизит тебя к твоей мечте.

Я заинтересовался и стал внимательно слушать.

Андрей сказал, что ему надоело работать на «дядю» и он хочет открыть свой небольшой бизнес, в котором он будет снимать клипы, рекламу и другие интересные проекты. В конце восьмидесятых самостоятельный бизнес только начинался, было много непонятного и неизведанного. Но те, кто не побоялись и первыми шагнули на эту еще никем не проторенную дорожку, выиграли и первыми забрали себе лучшие куски.

В результате он зарегистрировал свою фирму, которой мы придумали длинное название — «Творческое объединение свободный труд». Аббревиатура получилась, как потом выяснилось, судьбоносной — «ТОСТ». В состав объединения вошли: Андрей, я, администратор Татьяна и чуть позже еще один режиссер — Сергей.

Татьяна — молодая, пухлая веселуха с умными глазами. В нашей компании она была не просто администратором — она отвечала за наш быт, контролировала все и заботилась о нас, как мать о своих непутевых детях. Сергей был спокойным, добрым человеком, хорошим режиссером, но ведомым и во всем слушался Андрея.

Итак, мы начали совмещать работу с бизнесом

Первый опыт

Мы должны были снять рекламу известной тогда фирмы «Вавилон», которая занималась продажей недвижимости. Надо сказать, что сценарии мы писали все вместе у Андрея дома на Гоголевском бульваре, а впоследствии, когда появились деньги, — в ресторане Зеленого театра в парке Горького, который называли своим офисом.

Сценарий, придуманный нами, выглядел так. В Нескучном саду знойная актриса, одетая дворничихой, медленно и лениво метёт опавшие листья вокруг статуи ныряльщицы. На дворе золотая осень, природа дышит спокойствием, ничто не нарушает тишины, лишь изредка, мягко планируя, упадет желто-красный кленовый лист. Эту идиллию нарушает веселая музыка, и мимо дворничихи проезжают улыбающиеся симпатичные девушки на роликовых коньках. Они держат над головой плакат фирмы «Вавилон».

Все вокруг вдруг приходит в движение: дворничиха начинает в такт музыке интенсивно мести листья, а статуя ныряльщицы вдруг оживает и прыгает в воду. Звучит закадровый текст: «Благодаря фирме „Вавилон“ движется любая недвижимость!».

Казалось бы, все довольно просто, если не учитывать того, что мы потратили часть денег, выделенных нам фирмой, на оборудование, телевизионный кран и свет, взятые напрокат на «Мосфильме», а погода подвела, и лил дождь.

Посмотрев погоду на следующие дни, мы выбрали день съемки. Опять оплатили все, и опять погода подвела. На этот раз небо было пасмурным и дул сильный ветер. Денег оставалось

только на наши гонорары. Опять посмотрели прогноз погоды. Получалось, что на следующий день был дождь, а вот послезавтра обещали ясную солнечную погоду. Не знаю почему, объяснить этого не мог, но я настоял на том, чтобы снимать все же завтра.

Дождя, вопреки прогнозу, не было, погода полностью подходила для съемки. Все получилось, как мы и задумывали. А вот на следующий день, когда Гидрометцентр обещал солнечную погоду, выпало по колено снега.

Это был наш дебют. Мы ничего не заработали, но приобрели определенный опыт и в дальнейшем, при составлении контрактов, вписывали в них форс-мажоры. Да, эта реклама была успешной и даже получила приз на одном из фестивалей, что придало нашей компании определенный вес и увеличило количество заказов.

Робертино и машина

Шло время, благодаря коммуникабельности Андрея и нашей хорошо выполняемой работе количество заказов увеличивалось. У меня появилось достаточное количество денег, и я решил купить машину. В те времена сделать это было непросто. За новыми стояла очередь, и купить ее не представлялось возможным. Подержанные машины стоили почти как новые, и это была лотерея — на что попадешь.

В отделе операторов работал испанец Роберто Кинтано Вилла. Папа у него был председателем общества советско-испанской дружбы и каждые два года дарил сыну новые «Жигули». Предыдущие же Робертино продавал и на вырученные деньги какое-то время неплохо жил. Мое желание купить совпало с его желанием продать старую. Старой, конечно, ее можно было назвать с большой натяжкой, так как машине было всего два года, на ней стояла новейшая металлокордовая резина, лучшая в те времена, и обслуживалась она в хорошем автосервисе. Роберт готов был отдать мне свои «Жигули» третьей модели с шестым двигателем за шесть тысяч, что для такой машины считалось недорогим, и мы поехали делать на ней тест-драйв.

Так как я ничего не понимал в машинах, то пояснения Роберта о том, что в бардачке что-то стучит и надо его открыть и посмотреть, в чем дело, напрягали меня. А уж когда он сказал, что на металлокордовой резине нельзя притираться к бордюру, потому что может вылезти корд и колесо придется выбросить, я принял решение — такую не покупать, чем крайне удивил хозяина. Потом я очень жалел об этом.

В то время у меня была девушка, с которой мы поехали на авторынок покупать машину. Увидев «Жигули» цвета морской волны, она убедила меня их купить. Машине было восемнадцать лет, кресло водителя было приварено и не двигалось, щетки, когда их включали, отваливались, тормоза почти не работали, резина была, что называется, «лысая». Правда, узнал я об этих (и многих других) недостатках только после покупки, а тогда повелся на свежевывкрашенную машину и увещевания девушки.

Заправив полный бак, мы тут же поехали кататься. Нам было весело, мы целовались и неслись по гололеду победителями жизни. Меня предупреждали, что в гололед ездить опасно, особенно новичку, но, несколько раз тормознув и решив, что больше пугают, продолжил кататься.

Мы «летели» по совершенно пустой, широкой, прямой улице, в конце которой на обочине стояла «Волга» -пикап. Взглянув на дорогу после очередного поцелуя, я увидел, что машину несет прямо на нее. Нажал на тормоза, но машина продолжала движение. Дальше все происходило как в замедленной съемке. Я видел, что сидящий в машине человек подносит к лицу стакан с чем-то дымящимся в нем, как моя машина сталкивается с его, и мой капот оказывается на крыше, как разлетаются вдребезги задние фары «Волги», вминается внутрь ее багажник, и дальше, точно занавес — пар из моего радиатора.

Увидев приближающегося мужчину с мокрым красным лицом и явно недобрыми намерениями, меня разобрал нервный смех. Стараясь его перебороть, попросил мужчину подождать, чем только сильнее его разозлил.

Мы долго препирались. Он не хотел брать деньги, а мне нельзя было связываться с ГАИ, так как это однозначно тянуло на лишение прав, кои я с большим трудом только-только получил. Брать деньги, как впоследствии выяснилось, он не хотел по двум причинам. Когда все немного успокоились и перешли на конструктивный диалог, выяснилось, что мы стоим рядом с автосервисом, из которого он только что выехал, простояв месяц в очереди на ремонт и проведя две бессонные ночи в нем. Там ему отрихтовали и покрасили багажник, помятый в предыдущей аварии. Остановившись на обочине, он с облегчением вздохнул и решил выпить кофе из термоса. Тут я и подоспел! И мало того, что опять разнес только что починенный багажник, да еще кофе его обварил. Но, как говорится, деньги решают многие вопросы. Сработало и в этот раз.

Чернобыль

Двадцать шестого апреля тысяча девятьсот восемьдесят шестого года на Чернобыльской АЭС произошла авария, ставшая крупнейшей в истории атомной энергетики. Люди, работавшие там, пожертвовав собой, предотвратили потенциальный ядерный взрыв, который мог бы убить сотни тысяч человек по всей Европе. Невзирая на опасность, мы с Андреем отправились туда. Нам предстояло добраться до Киева, далее по реке — до «Зеленого мыса», а оттуда сорок километров на машине до Чернобыля.

Прошло всего несколько месяцев с того страшного дня. Кроме специалистов, мало кто отдавал себе отчет в опасности, подстерегавшей там людей.

Нас предупредили, что от «Зеленого мыса» нас повезут к АЭС на «грязном» открытом джипе. Поэтому предложили одеться во что-то, что не жалко будет потом выбросить. Помню, как я удивился и спросил у Андрея: «Почему нельзя было машину помыть?». Это сейчас все понимают, что «грязный» означает зараженный радиацией объект. Тогда же интернета не было. В Советском Союзе доступ к интернету в современном понимании появился лишь в тысяча девятьсот девяностом году. В частности, двадцать восьмого августа состоялся первый сеанс связи с использованием телефонного модема. Специфическую информацию можно было получить только в специализированных журналах.

Вытерев ботинки о заполненную водой железную ванночку с решеткой, сели в машину. Было жарко. Пыль с дороги забивалась в глаза, нос и уши. Вообще-то, дороги в Чернобыле должны были поливать, так как пыль очень радиоактивная, но за все время пути я увидел лишь одну поливальную машину. Из наглухо закрытых окон обогнавшего нас автобуса, в котором ехали представители делегации МАГАТЭ, с ужасом в глазах на нас смотрели люди.

Наш водитель дурашливо улыбнулся и сказал:

— Уровень радиации поехали замерять, — и подмигнул нам. — Пусть меряют. Там, где будут замерять, мы песочка насыпали. Радиация будет в норме, — и улыбнувшись, добавил. — Вообще, радиация в малых дозах хорошо влияет на потенцию. В «Зеленом мысе» санатории для импотентов открывать надо.

Вот так, запорошенные пылью, с шутками и прибаутками добрались до Припяти. Здесь предстояло снять какую-то экспериментальную лабораторию.

Выйдя из машины, я как будто оказался в городе из фильма-катастрофы. На совершенно пустой улице играла музыка. Дул сильный ветер. Он гонял по пустому балкону большой легкий детский мяч...

Снимая это, мне было как-то не по себе. Музыка эхом отдавалась в пустом городе. Кто-то дотронулся до моего плеча. Я вздрогнул от неожиданности. Человек в белом халате гостеприимно пригласил идти за ним.

Вошли в лабораторию. Там проводились всевозможные научные эксперименты, связанные с радиацией. Немного поснимав, сели обедать. Когда радушные хозяева сказали, что огурчики и помидорчики выращены здесь, то есть как-то расхотелось.

Закончив в Припяти, поехали на АЭС.

Дозиметров нам почему-то не дали. Оставалось лишь догадываться, почему, хотя снимали мы везде. Правда, иногда предупреждали, где нельзя задерживаться и где лучше пробежать. В некоторые места не пустили совсем. Сказав в завершение, что радиацию лучше вывести красным вином, распрощались с нами.

На обратном пути водитель рассказывал, что, как только люди покинули город, появились мародеры, которые вывозили и продавали по окрестным городам (и даже в Киеве!) все, что перестало охраняться: «фонящие» машины, мебель, аппаратуру и многое другое.

Остался неприятный осадок от этой командировки. Связан он был, наверное, с тем, что, хоть мы и попытались все честно рассказать и показать, насколько это было возможно при жесткой цензуре в СССР, наш сюжет все равно расходился с действительностью, которую мы видели собственными глазами.

Трясаясь в поезде, выводили радиацию красным вином.

«Мисс СССР 89»

Это были, наверное, самые бесшабашные годы в моей жизни. Утвердился в профессии, появилась интересная работа во «Взгляде». Неплохо зарабатывал, снимая клипы и рекламу в «ТОСТе». Многие «звезды» шоу-бизнеса знали меня и приглашали работать. Купил машину. И даже получил третью операторскую категорию, которая в свое время была для меня предметом мечтаний. Появилась самоуверенность, наглость. Короче, как многие добившиеся чего-нибудь люди, что называется, «завездился».

Мы снимали самый первый конкурс красоты — «Мисс СССР 89». Начинались девяностые, поэтому, во избежание всяческих недоразумений, конкурсанток довольно строго охраняли. Одна из них мне очень понравилась. Забегая вперед, скажу, что по окончании конкурса ей вручили один из престижных призов. Не буду говорить какой, чтобы не дискредитировать человека.

Она тоже обратила на меня внимание. Программа конкурса была рассчитана на несколько дней, и вечером, сидя на банкете, я умудрился, написав на сто долларовой купюре цифры своего домашнего телефона, передать его ей. Почему на сто долларовой купюре? Да потому, что на салфетке пошло, а я был изрядно выпивши и гусарил.

На следующий день, внимательно наблюдая за ней, не увидел ни намека, ни взгляда в мою сторону. Уважаемое жюри внимательно следило за поведением конкурсанток. Лишь поздно ночью раздался звонок, и она позвала меня к себе.

Поймал такси и через полчаса был в гостинице. Пока ехал, подумал, какая же актриса: ни взглядом, ни намеком — ничем себя не выдала. По дороге у того же таксиста купил бутылку шампанского. В те годы таксисты этим подрабатывали.

Со всеми предосторожностями пробрался к ней в номер. Бдительная охрана, кажется, меня не заметила.

Она встретила меня в красивом полупрозрачном пеньюаре. На столе стояла вазочка с фруктами. Открыл шампанское. Подумалось: «Раньше я был скромным и стеснялся даже подойти к девушкам. Как же много потерял из-за этого!».

Долгих разговоров не получилось. Есть девушки, которых от глотка шампанского тянет на приключения, они становятся мягкими, податливыми и любвеобильными. Видимо, она была одной из них. После недолгих поцелуев опустились на кровать... И тут раздался настойчивый стук в дверь! Это была охрана. Меня вывели из гостиницы, и незадачливый Дон-Жуан отправился домой не солоно хлебавши.

Эта история имела продолжение.

Через полтора года я снимал в первой студии «Останкино» одну очень известную певицу. Она была настолько «крута» и настолько ангажирована, что выделила для съемок очень красивого и сложного клипа всего три часа. Посмотреть на неё пришли многие свободные от работы люди. И тут мне передали записку от той конкурсантки. Она писала, что ждет меня в баре телецентра, что вечером улетает и очень хочет меня увидеть!

Меня как огнем обожгло. И, объявив, что мне необходимо отлучиться, побежал в сторону бара. Режиссер, продюсер и «звезда» недоуменно и разгневанно смотрели мне вслед. Съемка была дорогой, заполучить эту «звезду» еле удалось, а тут какой-то мальчишка вытворяет такое!

В полутьме бара сразу увидел ее кудряшки. Подойдя к столику, с замиранием сердца отметил про себя, что она стала еще прекрасней. Встав навстречу и глядя на меня искрящимися от любви глазами, нежно прильнув губами к моей небритой щеке, прошептала: «Куда же ты пропал? Я тебя еле нашла. Звонила тебе домой, сказали, ты переехал. На телевидении Юр много, а фамилии твоей я не знаю».

Мы пили кофе с пирожными и разговаривали. Выяснилось, что за это время она успела родить ребенка. Показывая фотографию улыбающегося кучерявого мальчонки, попросила обратить внимание, как он похож на меня. На меня! Вначале я даже не понял, что она имеет в виду. А когда до меня, наконец, дошло — я рассмеялся гомерическим смехом! Да так, что, люди сидящие за соседними столиками, обернулись.

— Милая ты, видимо, ошиблась. У нас с тобой не успело ничего произойти, так как не вовремя появилась охрана.

Возвращаясь обратно в студию, думал: «Сколько же таких наивных глупцов, как я, у неё было?». И еще: «Вот это актриса!!!»

Из Алматы в Кировоград

Эта командировка была сложной, но интересной и, конечно же, как и любая из них, не обошлась без приключений.

Два молодых парня — режиссер Андрей и я — отправились в Алма-Ату. Сейчас я даже не помню, что мы там снимали. В памяти отрывками всплывают съемки восхода солнца с крыши гостиницы, посещение знаменитого банного комплекса «Арасан», строительство которого курировал сам Кунаев, многолетний лидер Казахской ССР, поэтому в простонародье их еще называют Кунаевскими банями.

Здесь нужно остановиться на двух примечательных моментах. Ключевым элементом восточного отделения является суфа: это специально подогреваемые мраморные платформы (лежаки) в хаммаме. Каждая платформа имеет свою температуру — от сорока до восьмидесяти градусов. Перемещаясь с платформы на следующую, более теплую, человек постепенно доходит до восьмидесятиградусной, и, таким образом, происходит глубокий прогрев всего организма.

Закончив съемку, мы, конечно же, не преминули там попариться. Ощущение, скажу я вам, неоднозначное! Сначала не верится, что можно терпеть восьмидесятиградусную температуру камня, а когда ты, постелив простынку, уже лежишь на нем, то чувствуешь себя победителем. Затем, приняв освежающий душ, отправились в комнату отдыха. Нас угостили вкусным чаем с медом и сухофруктами и, улыбнувшись, сказали, что если Тофик будет есть тарелки,

то нам придется за них платить. Сначала я даже не понял, что они имеют в виду и как на это реагировать. Только когда лохматый, огромный Тофик, принесший угощения, невозмутимо взял освободившуюся тарелку и, откусив от нее кусок, начал невозмутимо его пережевывать, стало понятно, что это коронный номер данного заведения для дорогих гостей.

На следующий день мы отправились на легендарный высокогорный каток Медеу, где мне удалось наснимать множество красивых планов.

Ну и, конечно же, купили сувениры: ичиги (традиционные казахские сапоги для верховой езды, они делаются из мягкой кожи) и тымак (традиционный казахский зимний головной убор, похож на нашу шапку-ушанку, отличается тем, что у него есть сзади третье ухо, которое защищает шею).

Пришло время уезжать.

В Москву возвращаться не стали, а сразу отправились на Украину, в город Кировоград.

Вечером, заселившись в гостиницу, поставив аккумуляторы для камеры на зарядку, я зашел в номер к Андрею и предложил ему пойти прогуляться и осмотреть город. На что тот ответил, что у него нет желания. Тупо коротать вечер в номере, с рюмкой коньяка, глядя в телевизор, я не собирался, и поэтому поступил следующим образом: написал на бумажке: «Программа „Взгляд“. Обращаться в триста одиннадцатый номер». Это был номер, в котором жил Андрей.

Вернувшись к себе, не спеша открыл бутылочку коньяка, почистил мандарин... Где-то через полчаса пошел посмотреть, что происходит в номере у Андрея. Программу «Взгляд» в то время любили и смотрели все, она была самой рейтинговой на телевидении. Поэтому новость о том, что в город приехал «Взгляд», разнеслась молниеносно. У дверей номера моего режиссера уже стояла очередь из желающих излить свои проблемы.

Войдя в номер, я еле сдержался, чтобы не рассмеяться: Андрей сидел со страдальческим выражением лица, а вокруг него, словно пчелы возле меда, роились посетители.

— Откуда они узнали? — спросил он шепотом. — Пойдем скорее прогуляемся!

«Так бы сразу!» — подумал я про себя, с трудом сдерживая улыбку.

Мы вышли на улицу. Вечер выдался безветренным и теплым. Было приятно идти по городу, в котором мы никогда раньше не были. Я обратил внимание, что на улицах много очень красивых девушек. Две шли нам навстречу. У одной из них в руках был букет цветов. Поравнявшись с нами, девушка протянула букет Андрею. Он слегка опешил, не зная, как поступить. Мы, конечно, имели прямое отношение к программе, но работали вне кадра, поэтому узнать нас они не могли.

Познакомились, разговорились — и стали понятны причины такого поведения! Еще из окна гостиничного номера я обратил внимание на то, что молодые люди довольно бесцеремонно ведут себя с противоположным полом. Просто подходят к понравившейся девушке, и та с удовольствием идет гулять с незнакомым молодым человеком. Я еще тогда подумал, что что-то здесь не так, и сказал об этом Андрею, побуждая его пойти погулять. Оказалось, что большинство мужского населения работает на урановых рудниках, что представляет серьезную опасность для здоровья.

Основные риски связаны с вдыханием радиоактивного газа радона и пыли, что приводит к высокому риску заболевания раком легких, болезнями почек, включая потенциальное негативное влияние на репродуктивную функцию и потенцию. Поэтому здоровых мужчин, могущих создать полноценную семью, в городе не хватает, а природа берет свое, и молодые красивые девушки хватаются чуть ли не за первого встречного ради создания семьи и рождения ребенка.

Да, необходимо объяснить, почему девушки в Кировограде, который изначально назывался Елисаветград (в честь святой Елисаветы), такие красивые: в городе располагался знаме-

нитый Елисаветградский гусарский полк, а также кавалерийское училище. От этих гуляк и красавцев и вывелась столь достойная порода.

Отказать столь милым девушкам мы не смогли, поэтому конец вечера и часть ночи до рассвета мы провели у них дома, на улице Гоголя (бывшей Дворцовой), в красивом старинном доме с лепниной и высокими потолками. Андрей влюбился в одну из девушек и был очень благодарен мне за то, что я все-таки вытащил его из гостиницы прогуляться. Вот только не помню: уехал ли я из этой командировки один, а влюбленный Андрей остался на несколько дней, или мне все-таки удалось вырвать его из лап сладострастия.

Была история, как один оператор, проведя в командировке в Питере месяц, снимая фильм про Эрмитаж, успел жениться, а вернувшись в Москву и придя в себя, через два дня развестись. Здесь, вроде, обошлось, хотя было на грани.

Вот и гуляй после этого вечером в незнакомом городе!

Клубника

Частые поездки в командировки подружили меня с одним из режиссеров «Взгляда» Максимом. Это был своеобразный человек, любитель эпатажа. Вот про несколько таких командировок, которые всегда оказывались неординарными, я и расскажу.

Макс был похож на известного прибалтийского актера Юозаса Будraitиса, известного по таким фильмам, как «Щит и Меч», «Богач, бедняк», «Битва за Москву» и т.д.. Глядя на него, и я в каждой командировке с ним старался создавать неординарные ситуации. Мы провоцировали друг друга, и оба велись на эти провокации.

Так получилось, что Макс отправился в командировку, о которой я сейчас расскажу, на пару дней раньше меня, чтобы все подготовить. Камеры, как я уже говорил, были в большом дефиците, и их старались использовать рационально.

Я вылетал вечером, чтобы утром отснять материал и вернуться в Москву. Рейс задержали, потом еще и еще раз. Аэропорт был полон народу, спать нельзя — можно остаться без камеры. Сдать ее в камеру хранения — не вариант, посадку могли объявить в любую минуту. Так и промыкался всю ночь.

Утром, по прилету в точку назначения, никто не встретил. Связи с Максом не было, что делать дальше, я не знал. Невыспавшийся и злой, сидел, охраняя камеру, матеря его.

Наконец за мной пришла машина. Пробормотав что-то невнятное и даже не думая помочь мне донести тяжелые вещи, водитель, сидя за рулем, дождался, когда я все погружу, и тронулся с места. Ехали молча. Хотелось спать. Копились обида и злость.

Я уже привык, что, когда съемочная группа программы «Взгляд» приезжает куда-либо, то встречают ее как дорогих гостей.

У входа в гостиницу ждал Макс. Он знал, что, если надо, то я могу снимать круглосуточно, но неуважительного отношения к себе не потерплю.

Поэтому он произнес извиняющимся голосом:

— Все понимаю! Сначала спать, а потом работать.

«Уважает», — подумал я и расслабился.

Тут-то этот «мошенник» меня и подловил.

— Позавтракай с дороги. Что ты будешь на завтрак?

Видимо, остатки обиды и злости еще оставались, поэтому я сказал:

— Клубнику.

Это была ответка за то, что вовремя не встретил. Достать клубнику зимой в захолустном городишке — это утопия!

Тем не менее Макс сказал:

— Хорошо, как примешь душ — заходи за мной.

Зайдя к нему в номер из коридора, мне открылась следующая картина: я видел только кусок кровати и лежащую на ней ступню Макса, с поднятым вверх большим пальцем, над которой, сидя на стуле, склонился местный чиновник и вопрошал: «Что ты будешь на завтрак?». И получалось, что этот палец, сгибаясь и разгибаясь, отвечал: «Клубничку, Ваня. Клубничку!».

Этого человека мы знали давно, он не раз приезжал к нам на программу, а мы к нему. Отношения были дружескими. Просто я так увидел, и мне стало смешно. Все напряжение сняло как рукой, тем более что Макс выказал уважение.

Не помню, была клубника или нет, но пища в ресторане была отменной, да и хитрый Макс попросил Ваню сделать так, чтобы в ресторане появились симпатичные девушки.

Одна из них уже сидела у меня на коленях, когда я услышал:

— Ну, я вижу, спать ты уже не хочешь, может, сначала поработаем?

Деваться было некуда, он меня обхитрил.

Снимая сюжет, я думал: «Ну, уж в следующей командировке отплачу тебе той же монетой!».

Следующая командировка

Мы ехали в Литву, а точнее на Каунасский завод, который производил телевизоры «Шилялис». Да не просто телевизоры, а еще и с дистанционным пультом управления. Правда, пульт этот был на кабеле, который подключался к телевизору, но тогда это было «круто», и достать такое чудо было практически невозможно. Мы же договорились, используя служебное положение, что снимем для завода сюжет со скрытой рекламой «Шилялиса» и за это получим несколько телевизоров, конечно, заплатив за них.

Влад, Саша, Андрей и еще несколько человек ждали нас с победой. Поэтому деньги в достаточном количестве у нас были.

Сняли сюжет, в котором мы показали полный цикл сборки и проверки надежности этих телевизоров. В финале мы придумали так, что «Шилялис» падал с не то водонапорной, не то пожарной башни, стоящей на территории завода. Не разбивался, да еще и продолжал работать.

Администрация завода отправила нас в какой-то захолустный магазин в какой-то деревне, где, соблюдая все правила конспирации и обклеив коробки с заветными телевизорами газетой, нам их продали.

Обратно ехали вдвоем в четырехместном купе, полностью выкупив его. Рассовав телевизоры на верхние полки, мы растянулись на нижних и блаженствовали. Задание было выполнено.

— Что будем есть? — спросил я.

— Фрукты, — ехидно ответил Макс.

«Ну, сейчас получишь ответочку по полной», — решил я, втягиваясь в его игру.

Любопытная проводница, увидев двух человек, занявших полностью всё купе, заинтересованно засунула к нам свое необъятное тело и поинтересовалась: «Не желаем ли мы чего-нибудь?».

Лениво приоткрыв один глаз, я ответил, что желаем фруктов.

— Где же я вам их возьму? — начала было она по привычке, но вдруг осеклась и, видимо, решив, что на нас можно неплохо заработать, пообещала на следующей станции что-нибудь придумать.

После первой же остановки поезда она торжественно внесла к нам в купе вазу с фруктами, купленными, вероятно, в привокзальном ресторане. Получив взамен от меня приличную сумму денег, она вся расцвела и заискивающе спросила:

— Может быть, еще что-нибудь?

— Неплохо бы две бутылочки коньячка, — вальяжно развалившись, ответил я.

И готов был услышать: «Как прикажете, хозяин», но вместо этого, то ли по привычке, то ли набивая себе цену, она ответила:

— Что вы, никак нельзя! «Сухой закон», — и поспешила ретироваться.

— Никуда не денется, принесет, — сказал я молчащему все это время Макс. — Пospoрим, что жадность и стремление к наживе сильнее всех запретов?

— Может, она и девочек еще приведет? — подначил меня Макс.

Это было уж совсем немыслимо, но мне стало даже интересно попробовать. В конце концов, что я теряю? Решив продолжить игру, как бы невзначай положил на столик открытый бумажник, из которого высовывалась толстая пачка, оставшихся от покупки телевизоров, денег.

Проводница с заговорщицким видом войдя к нам в купе и как фокусник победоносно вынимая из складок одежды две бутылки коньяка, чуть не уронила их, увидев на столе бумажник. Я сделал вид, что сплю, хотя меня буквально разрывало от смеха. Засунув бутылки опять непонятно куда, да так, что на её бесформенной необъятной фигуре они были совсем не видны, она почему-то вышла.

— Опа, — сказал Макс, открыв глаза.

Но тут раздался стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, проводница снова вошла.

— Только бутылки потом отдадите мне, — заискивающим шепотом произнесла она.

Я предложил ей выпить с нами. Ломалась она недолго, и принесла три стакана. Выпив и закусив фруктами, мы стали своими людьми. Хвастаясь, что для хороших людей при желании в её поезде можно все, обращаясь ко мне, с вызовом спросила:

— Вот чего тебе не хватает сейчас?

Переборов свою застенчивость перед взрослой теткой, я ответил:

— Девчонок.

Наступила пауза. Слышно было, как муха бьется в стекло. Взглянув на Макса, я увидел, что он покраснел. Проводница напряженно думала. Мне даже показалось, что слышу, как шевелятся ее мозги. После долгого напряженного раздумья она произнесла фразу:

— Я, конечно, не подойду?

— Если только ему, — ответил я, показывая на Макса.

От этих слов он нервно замотал головой, и мне показалось, что готов был залезть под полку. Меня разрывало, но я держался.

— Ничего, сейчас что-нибудь придумаем, — нисколько не обидевшись, сказала она и вышла.

Я даже предположить не мог, что она может придумать.

Прошло не так много времени, как к нам снова постучали. И дальше началось такое... Что, если бы мне кто-нибудь это рассказал, я бы ни за что не поверил. Уж не знаю, чего наговорила про нас подвыпившая тетка, но проводницы со всех вагонов шли к нам на смотрины: молодые, средних лет, худые, длинные, рыжие, брюнетки. Вся эта разномастная свора жаждала наживы. Бедный Макс, который только строил из себя мачо, а на самом деле очень скромный и застенчивый человек, прикрывающийся эпатажными выходками, не знал, куда деваться, и готов был провалиться сквозь землю. Выход оставался только один — дать им денег, чтобы отстали. Что я и сделал.

Шутка удалась! Это был мой ответ ему за клубничку в прошлой командировке!

Думаете, после этого он угомонился? Не тут-то было!

Еще одна

Следующая командировка была тяжелой. Мы спали по четыре часа в сутки. Перекусывали в машине, пока добирались до следующего места съемки.

Дело было где-то под Архангельском. Разъезжая по деревням, снимали провода Масленицы. С нами был Влад, который стал уже известен и любим зрителями. Он работал в кадре. Макс режиссировал. Я снимал. В одном из поселков нас угостили местным напитком, который они почему-то называли «шоколад». «Шоколад» был градусов шестьдесят. Закусывали шанежками. Это традиционное блюдо русской кухни, характерное для нашего Севера. Похожи на открытые пирожки с начинкой. От усталости и недосыпа нас развезло, мы заигрывали с местными девушками и всю веселились. Уезжая в райцентр, пообещали им вечером вернуться.

Возили нас на УАЗике, выделенном местным начальством. До гостиницы было километров сто, не меньше. Несмотря на то что машину сильно трясло и в ней было холодно, мы заснули.

В гостинице, сев ужинать, попросили «шоколада» и, за разговорами в хорошей компании, незаметно для себя «набрались».

И тут Макс сказал:

— Так вы же обещали вернуться?!

Неожиданно для меня Влад, который тоже был не прочь погусарить, сказал водителю:

— Заводи, поехали.

Водитель, который тоже выпивал с нами наравне, отказался садиться за руль в таком виде. Но мы с Владом уже «завелись» и требовали ключи от машины. То ли отказать известному журналисту водитель не мог, то ли понял, что артачиться бесполезно. Что-то решив про себя и глубоко вздохнув, пошел в номер за ключами.

Ехать в темноте по неосвещенной дороге было сложно. А тут еще метель разыгралась, и поднялся сильный ветер. Снег залепил лобовое стекло, превращаясь на нем в лед. Щетки не справлялись. Но нас было не остановить. Мы упорно двигались к намеченной цели. Так мы проехали около часа.

Вдруг мотор заглох... Мы остановились. Наступила тишина. Только порывистый ветер закидывал машину снегом, будто хотел сделать из неё сугроб. Мы переглянулись, попробовали еще несколько раз завести мотор, но безуспешно.

— Ничего, — сказал я. — Сейчас проедет какая-нибудь машина и возьмет нас на буксир.

— А ты не заметил, что за все время, пока мы ехали, не было ни одной? — ответил Влад.

Хмель как рукой сняло. Машин, действительно, не было, а в нашей стало холодно. Я понимал, что завести с толкача не получится. Мобильных телефонов (и даже пейджеров!) еще не было, навигаторов тоже. Отъехали мы довольно прилично — пешком не вернешься. Вьюга усиливалась. Мы замерзали.

Решил открыть капот, проверить клеммы на аккумуляторе и провода. Сделать это на незнакомой машине, в кромешной темноте, удалось с трудом, а уж что-нибудь увидеть было вообще невозможно. Обледелыми руками потрогал провода. Вроде бы все на месте. Скорее, это было жестом отчаяния, чем разумным поступком. Решил проверить бензин, зная по армии, что датчики на морозе иногда залипают. Нашел какое-то палку и стал тыкать ею в бензобак. Там внутри, кроме бензина, что-то было! «Возможно, ледышка», — подумал я, пытаюсь ее достать. И тут вдруг вспомнил, что в армии наш водитель Коля, с которым мы дружили, как-то рассказывал мне, что когда один из водителей хочет сделать подлянку другому, то кладет в бензобак или сахар, или тряпку. Сахар забивает бензонасос, а тряпка — доступ к нему бензина из бензобака. Да, это была какая-то тряпка! Я это уже чувствовал палкой. Достать ее никак не получалось. Влад тоже вышел из машины и с надеждой смотрел на меня, не зная, чем помочь. Я готов был сам влезть в этот чертов бензобак, лишь бы достать ее оттуда. Обливая застывшие руки ледяным бензином, я наконец ее вынул!!! Это оказалась рабочая рукавица.

Машина завелась!

Ни к каким девчонкам мы, конечно, не поехали, а вернулись в гостиницу. Водитель потом признался, что это сделал он, чтобы мы никуда не уехали. Он рассчитывал, что машина или не заведется, или почти сразу заглохнет.

Начало конца

Работая в «ТОСТе», мы стали очень востребованными. Снимали клипы всем отечественным «звездам», рекламу известным фирмам и многое другое.

Как-то, сидя за написанием очередного сценария в ресторане «Зеленого театра», Сергей произнес:

— Пора выходить на новый уровень.

— Ты о чем? — поинтересовался я.

— А о том, что хватит горбатиться, создавая имидж другим. Пора подумать о себе.

— То есть? — заинтересовался Андрей.

— Все очень просто! Пора самим продюсировать группы и организовывать концерты.

Татьяна, обозвав нас меценатами и возразив, что у нас для этого еще недостаточно денег и связей, засмеялась. Увидев, как заблестели глаза Андрея, я понял, что идея ему понравилась. Он был очень деятельный человек и талантливый организатор.

Сергей только недавно вернулся из Спитака. В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году там произошло сильнейшее землетрясение магнитудой семь баллов, унесшее жизни двадцати пяти тысяч человек. Он рассказывал такие вещи, от которых волосы вставали дыбом. В этот вечер мы много выпили.

Через несколько дней Андрей позвонил мне и, сказав, что есть дело, предложил встретиться в ресторане.

— Сергей уже выехал, — сказал он.

За нашим столиком (а у нас там был уже свой столик) сидели два незнакомых мне человека. Андрей их представил. Одного звали Борис — лохотонный молодой человек с интеллигентным лицом. Ведя переговоры (а это, как выяснилось, были переговоры), ничего спиртного, в отличие от нас, не пил, а угощался сметаной.

Второй — Сергей, тоже молодой, с пронзительными светло-голубыми глазами, которые как бы заглядывали тебе прямо в душу, с волевым подбородком и зачесанными назад волосами.

Первый парень был из Ленинграда и, как потом мне рассказал Андрей, имел очень влиятельного отца, который, когда Борис что-то там натворил, отправил его в Москву, пока не «замнется» дело. Сергей же был темной лошадкой, и знали мы лишь то, что у него в городе большие связи.

Они предлагали организовать фестиваль, который бы назывался «Рок-музыканты в борьбе за экологию».

Роли предлагалось разделить следующим образом: Борис находит деньги на мероприятие, Сергей договаривается с несколькими «звездами», со всевозможными Мос-, Рос- и другими концертными организациями и организует для концертов и съемок стадион в Прибалтике. Мы же везем туда технику и снимаем.

Оставшись втроем, прикидывали возможные риски. Решили, что сейчас наступает время неограниченных возможностей, и надо быть в первых рядах, а то затрут.

Закончив вечер известной фразой: «Кто не рискует — тот не пьет шампанского», пошли по ночному парку. Навстречу, освещая дорогу фарами, ехали две машины, которые убирали снег.

— Сейчас они довезут нас до выхода, — сказал Андрей. — А там поймает такси.

Останавливал он их довольно оригинальным способом — протягивая руку, в которой были зажаты доллары. Конечно, договорился, отдав несколько бумажек, и мы поехали. Ехали,

правда, недолго, потому что Сергею вдруг захотелось порулить, и он дернул руль. Машины столкнулись. Сергей сломал себе руку и оказался в больнице, благо она была рядом.

Когда я на следующий день пришел навестить его, то обнаружил, что в палате больного нет. Там лежали ребята из Спитака, они были знакомы с ним. Улыбаясь, показали в сторону душа.

— Как? — удивился я. — Ведь он по пояс в гипсе?!

— Иди и сам увидишь, — еле сдерживая смех, сказали они.

Оказалось, что придя в себя и выпив с друзьями за встречу армянского коньяка, Сережа решил принять душ.

Открыв дверцу, я не смог сдержать смех. Передо мной стоял пьяный Сергей с загипсованной от плеча до кисти рукой. С полузакрытыми от наслаждения глазами и замотанный в целлофановую пленку, он что-то мурлыкал себе под нос.

Ему было хорошо!

Стадион Сергей арендовал, но только не в Прибалтике, а в Череповце. Звезды туда не поехали, билетов было выкуплено мало. И еще остались должны одной очень серьезной бандинской группировке, которая дала деньги Борису. Мы несколько месяцев жили в страхе. У меня и Бориса сожгли машины, Сергею — особняк. Но хорошо, что хоть живые остались!

Купе

Получив жестокий урок, мы решили больше не ввязываться в подобные авантюры. Андрей еще больше начал пить: может быть, эта неудача так повлияла на него, а может быть, просто шальные деньги, которые мы зарабатывали, развратили. Тем не менее, он все чаще стал приходить пьяный на съемку или, того хуже, звонил и говорил, чтобы я справлялся один, ведь сценарий известен. А иногда даже и не звонил.

Командировка, которая у нас случилась по заданию редакции «Взгляд», окончательно утвердила меня в мысли, что наши загулы надо прекращать.

Итак, мы ехали в Киев снимать сюжет. Встречала там нас верхушка местного ВЛКСМ. Андрей еще в поезде набрался, и вид имел неприглядный. Пил он до, после и во время съемки, и мне было неудобно. Вечером мы ужинали в одном из лучших ресторанов в центре Киева. Я тоже позволил себе коньячку и от усталости быстро сравнялся с Андреем. Иногда в состоянии пьяной эйфории мозг работает раскованней, снятые планы получаются неординарней, да и усталость во время съемки меньше чувствуется. Этим мы себя и оправдывали в начале пути. Так и затянуло. Пьяный, я начал гусарить и потребовал, чтобы официанты вынесли наш столик на улицу, аргументируя тем, что в зале душно. Не помню уже как, но я добился своего. Сидели на улице. Андрей нес какую-то чушь, что он якобы из семьи фабрикантов Морозовых, и его дед, когда ужинал здесь, то якобы прислуживали ему обнаженные грации. Слово у него обычно не расходилось с делом, и он пошел куда-то звонить. Приехали две путаны, которые полуобнажились и ходили вокруг стола. Вспомнив, что если его деда неподобающе обслуживали, то тот заставлял официанта съесть салфетку, и тут же послал одну из граций за официантом. Я еле увел его.

Утром мы уезжали. Андрей уже успел где-то похмелиться, был возбужден, но пока вел себя прилично. Провожали нас те же работники комсомольской организации. В привокзальном ресторане выпили отходную и пошли к поезду. В те времена это было нормально. Пила вся страна. По громкоговорителю сообщили, что что-то изменилось, и наш поезд придет совсем на другой путь. Аппаратуры было много, и она была тяжелой, а утренний алкоголь меня уже зацепил. Идти было далеко, поэтому я потребовал, чтобы меня туда отвезли. Представляете такую большую тележку с бортиками для багажа? Так вот, меня везли на ней вместе с моим багажом, а я на весь вокзал толкал прощальную речь. Ну прямо как Ленин на броневику!

Купе у нас было, конечно, СВ на двоих, и, расположившись в нем, Андрей сразу достал коньяк. Не успел поезд тронуться, а полбутылки — как не бывало.

Я пошел в тамбур покурить. Насладившись пейзажем из окна поезда, вернулся в купе. Каково же было мое изумление, когда вместо Андрея я увидел негра, да еще наливающего себе наш коньяк! Увидев меня, тот попытался что-то сказать. Понял лишь, что ему здесь удобно и не мог бы я перейти в другое купе. Такой наглости терпеть было нельзя. Возмущение мое достигло апогея.

Решив, что отказать надо жестко и сразу, без всяких там политесов, на чисто русском языке заявил:

— Я живу там, где хочу! Ты понял?

Вряд ли он что-либо понял, но, видимо, у меня было такое решительное выражение лица, что он предпочел ретироваться. Налив себе коньяку, стал ждать Андрея. Буквально через две минуты вошла проводница. Из-за ее спины опасно выглядывал тот самый негр.

— Не могли бы вы перейти в свое купе? — спросила она.

Я посмотрел на бутылку: она была такая же, как у нас. Видимо, тоже купленная на вокзале.

— Сорри, — почему-то произнес я, обращаясь к проводнице, и вышел.

Андрей сидел на своем месте и допивал НАШ коньяк.

«ТОСТ загнивает»

Вернувшись из Киева, мы сели монтировать клип. Песня называлась «Ах, Алла», исполнял ее Пресняков-старший. Монтировать оказалось особо не из чего, так как Андрей потерял кассеты. Осталась одна, на которой певец, сидя в кресле, включал телевизор, в котором появлялась Пугачёва, и вставал (выключал его). Планы дождя за окном. План капель, разбивающихся о лужу, и еще пара планов дождливой осени. Вот, собственно, и все из чего пришлось собирать клип. О том, чтобы переснять его, не шло и речи, так как объяснить звездному певцу, куда делся отснятый материал, было невозможно. К моему стыду, этот смонтированный нами позор неоднократно, в течение долгого времени, показывали по каналу «2x2» с нашими титрами.

А все началось с написания сценария у Андрея дома на Гоголевском бульваре.

Татьяна привела своего парня. Сергей только что прилетел из Ташкента и привез дыню, которую ему подарили тамошние коллеги. Мы снова выпивали, закусывая ароматной дыней, и вдохновенно творили. Неожиданно Татьянинomu парню то ли от выпитого, то ли от съеденного стало плохо. Вызвали скорую, и с подозрением на аппендицит он отправился в больницу.

Сценарий получался какой-то несуразный, неадекватный, что ли. Да и вели все себя как-то странно. Беспочвенно, безудержно смеялись, несли всякую нелепицу. Была поздняя ночь или раннее утро, когда Сергей пошел в соседнюю комнату звонить в больницу, чтобы узнать состояние нашего больного. Вернулся он оттуда загадочно молчаливым. Позвал меня покурить на балкон и там шепотом сказал, что Татьянин парень умер.

— Как умер? — чуть не крикнул я.

Сережа, зажав мне рот, приложил палец к губам:

— Тихо ты! Сам обалдел, когда услышал, позвонив в справочную! Как теперь об этом сказать Танюхе?!

Мы решили сначала её подготовить. Были предельно вежливы и тактичны.

Андрей не понимал, что происходит. Когда мы ему рассказали, сорвался с места и побежал звонить. Татьяна, поняв, что происходит что-то неладное, вопросительно смотрела на нас. Мы переглядывались, ни у кого не хватало духу ей это сказать.

Сергей все-таки начал первым:

— Понимаешь, Танюш, — сказал он и, вдруг как будто чего-то испугавшись, добавил. — Дыня, которую мне подарили, была чем-то накачана.

— Так вот почему мы все так себя вели! — ответила она.

И тут вбежал Андрей. Глаза у него горели.

— Видишь ли, Таня, там в справочной сидит идиотка, которая даже читать и писать не умеет!

— О чем ты, Андрей? — спросила ничего не понимающая Татьяна.

— Твой парень не умер, а убежал!

Тут раздался звонок в дверь. На пороге, улыбаясь, стоял он!

На радостях все дружно напились!

Утром меня разбудил телефонный звонок. Продюсер певца раздраженным голосом сказал, что не может никому дозвониться, а через час съемка! Немного успокоившись, поинтересовался, какой реквизит привезти и куда? Я, ничего не соображая, потребовал бутылку водки, соленые огурцы и назвал свой адрес. Положив трубку, попытался встать. Голова раскалывалась, во рту — как кошки нагадили. Позвонил Сергей, хриплым голосом сказал, что заболел, не придет. Андрей даже не позвонил. Пришлось выкручиваться самому.

Привезенный «реквизит», употребленный на глазах удивленного продюсера, помог, и съемка состоялась. В шоу-бизнесе того периода это было нормально и даже круто. Но имидж наша компания теряла.

Деньги, квартира, машина

Я понимал, что дальше так продолжаться не может. Мы потеряем все, и себя в том числе. Позвонил Андрей, звал приехать в ресторан «Зеленого театра» — я отказался. Позвонил Сергей, спросил, почему я не хочу ехать? Сказал ему все, что думаю. Сережа со мной согласился и предложил все-таки поехать и поговорить с Андреем.

— Хорошо, — сказал я. — Но пить с ним не будем.

Пир был в полном разгаре. За нашим столиком сидели еще какие-то люди. Оказывается, они привезли деньги за предыдущие работы. Мы сели, но выпивать отказались. Татьяна, поняв, что предстоит серьезный разговор, начала тактично выпроваживать гостей. Те готовы были отдать деньги и откланяться. Но вот незадача — нам некуда их было положить!

Уже изрядно подвыпивший Андрей крикнул проходящему мимо хозяину:

— Стас, дай какую-нибудь сумку.

— На кухне возьми, — ответил тот.

Наш новый администратор, не дожидаясь указаний, метнулся на кухню и вернулся оттуда с сетчатой авоськой. Положив доллары рядом с собой, Андрей предложил нам это дело отметить. Я отказался. Сергея он все-таки уговорил. Администратору же было предложено отвезти авоську с долларами на Гоголевский и вернуться. Этого молодого человека мы взяли на работу всего три дня назад. За эти дни он проявил себя только с положительной стороны. Но что-то мне подсказывало, что мы поступаем неправильно, о чем я и попытался намекнуть Андрею.

— Да все нормально, — отмахнулся тот, и мальчик уехал.

Поняв, что в таком состоянии с ним говорить бесполезно, я собирался уйти, но сначала решил позвонить Галине Кирилловне, его маме, которая тоже жила на Гоголевском, но этажом ниже. Объяснив, в чем дело, попросил ее проверить, привезет ли парень деньги, и отзвониться мне. Закурив настоящую гаванскую сигару, смоченную в коньяке, стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Галина Кирилловна позвонила, сказала, что все в порядке, деньги на месте. Решил вернуться и успокоить нервничающую Танюшку.

Подойдя к столику, услышал, что Андрей пьяным голосом спрашивает меня:

— Ну чего тебя не устраивает? Или ты считаешь, что я тебе мало плачу?

Здесь надо объяснить, что фирма была зарегистрирована на него, а мы с Сергеем получали, соответственно, по двадцать процентов от чистой прибыли, да Танюха — десять.

— Хочешь, будем работать в пополаме, и сделаю тебя совладельцем?

Это было неправильно, ведь все-таки мозгом и идеологом предприятия был он. Но мозг разрушался, а вместе с ним рушилось и остальное! Давно поняв, что по пьяни дела не делаются, промолчал. Вернулся администратор, и, сказав, что деньги отвез, был допущен к «барскому столу».

Мне стало противно смотреть на все это, но я решил таки сделать последнюю попытку образумить друга. В спорах, увещеваниях, объяснениях прошло около часа. Андрей доказывал, что если он не будет выпивать, то у него не хватит сил работать. Он работал, действительно, много, что называется, на износ. Я говорил, что нельзя сожрать все — можно подавиться. Сергей опасался, что конкуренты, коих развелось в избытке, перехватят часть заказов. Татьяна пыталась поддержать меня, потому что в последнее время Андрей доставлял ей много неприятностей своими пьяными выходками. Она постоянно отбивала его от ментов, гаишников и бандитов. Новый администратор давно был отправлен домой, так как ему нечего было слушать наши разговоры.

Тут подошел официант и позвал меня к телефону.

Галина Кирилловна, захлебываясь слезами, кричала в трубку, что Андрюшина квартира горит!

Оставив Татьяну расплачиваться, втроем побежали к Андреевой машине — новеньким, недавно купленным «Жигулям». Я был трезв и попытался сесть за руль, да не тут-то было. Вдрызг пьяный «мозг» заартачился. Как следствие, буквально через пять минут «ас-водитель», только как две недели назад получивший права, врезался в ограждение, превратив машину в хлам. Мы, к счастью, не пострадали.

Так, в одночасье потеряв крупную сумму денег, машину, квартиру, мы сами чудом остались живы.

Администратора уволили.

Могу лишь предположить, что, и правда, привезя деньги на Гоголевский, он снял слепок с ключа или сделал дубликат в металлоремонте. Отдав его поделнику, как ни в чем не бывало, вернулся к нам выпивать. Второй открыл квартиру, забрал деньги и, чтобы замести следы, устроил пожар.

Мои увещевания на Андрея не подействовали, и я перестал с ним работать.

Вышка или как прыгну!

Мы с ведущим программы «Взгляд» Александром приехали в Рязанское гвардейское воздушно-десантное командное училище.

Вечером накануне съемки сидели и ужинали с командирами и преподавательским персоналом. Они рассказывали об училище. Сказали, что завтра специально для наших съемок учащиеся продемонстрируют нам навыки боевого искусства, такие как: рукопашный бой, метание ножей, прыжки с вышки с парашютом и многое другое. Не знаю почему, но офицеры умеют пить много, долго и не пьянея. Причем везде, в каких войсках мы только ни снимали! Они только начинают потеть, краснеют, а в высшей степени опьянения — расстегивают верхние пуговицы рубашки и закидывают галстук на плечо. Видимо, чтобы не испачкать его в салате. Обучают их этому, что ли?

Наши хозяева оказались очень крепкими людьми. Бутылки сменяли одна другую, счет им давно не велся. Я не могу сказать, что мы с Сашей слабаки по части выпивки, но, по сравнению с десантниками, мы — грудные дети. Если уж командиры стали закидывать галстуки, то представляете, в каком состоянии был я?

В голову пришла творческая мысль, которую, не подумав, я тут же озвучил:

— А давайте завтра прыгну с парашютной вышки и в полете сниму ваше ВДВ? Получится очень красиво!

Надо понимать, что тогда никаких летающих на тросах камер не было, коптеров с камерой — тем более. Поэтому предложенный мною план мог действительно получиться классным. Но было одно «но», которое в тот момент мне показалось несущественным препятствием: я настолько боялся высоты, что даже если вставал на табуретку, у меня начинали дрожать колени. Моя идея была одобрена, и, выпив на посошок, мы разошлись.

Утром меня разбудил стук в дверь. Вошел заместитель командира училища. Он сказал, что вышка обледенела и прыгнуть не получится. Еще окончательно не проснувшись и плохо соображая после вчерашнего, я жестко отреагировал на эту новость.

Внутренне радуясь такому повороту событий, зачем-то произнес:

— А в чем проблема почистить?!

— Есть, — ответил привыкший выполнять приказы офицер и вышел.

«Вот идиот! — ругался я сам на себя. — Ведь так хорошо все обещивалось, а теперь...».

Отказаться нельзя — стыдно, тем более сам потребовал очистить вышку. Надо придумать какую-нибудь отмазку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.